

ГОРЬКИЙ И БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИЗДАНИЯ

ГОРЬКИЙ — РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Сообщение И. А. Ревякиной

Участие Горького в издании марксистского ежемесячного общественно-политического, экономического и литературного журнала «Просвещение», его роль в собирании сил молодого пролетарского искусства, его борьба за революционную партийность литературной части журнала уже освещались. Среди работ на эти темы выделим наиболее заметные: статью А. А. Волкова «Горький и дооктябрьская пролетарская пресса» (*Горьк. чт.* 1951), монографию Л. Н. Никитина «Большевистский журнал „Просвещение“» (М., 1955), в одной из глав которой (IV) речь идет о Горьком и значении журнала в борьбе за партийность литературы, наконец, исследование В. А. Келдыша «Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия» (М., 1964).

Однако пока с должной полнотой не выяснено, в каких связях — влияний, ответов, полемики — с литературой своего времени развивались беллетристики и поэты «Просвещения». К этому и привлекается в первую очередь внимание в сообщении.

До сих пор мало изучена история участия Горького в «Просвещении» с документальной стороны. Контакты Горького — литературного редактора журнала, конечно, были очень разнообразны: ведь на страницах журнала появились произведения более чем двадцати авторов и значительная их часть при самом непосредственном содействии писателя. Многое из переписки Горького с редакцией большевистского органа, — а она работала фактически полулегально — по всей вероятности, не сохранилось. Именно поэтому особенно ценны факты, позволяющие прямо или косвенно судить о деловых и творческих планах, начинаниях Горького-редактора. В сообщении приводится более 20 разных документов — письма, воспоминания, одна дневниковая запись, — так или иначе проясняющих деятельность Горького в «Просвещении», в том числе четыре письма Горького к разным адресатам, а также письма к нему большевика М. А. Савельева — он был одним из редакторов журнала — и ряда молодых авторов.

Читатель встретит в сообщении несколько документов, уже известных, однако публиковавшихся только в отдельных выдержках или кратких изложениях. Если публикация этих писем даже во фрагментах имела цель освещать частные вопросы, вводя документы в научную литературу, то тем больше оснований приобретает публикация их в полном виде. Она поможет точнее воссоздать творческие, деловые, личные отношения Горького с современниками, полноту и разнообразие живого литературного процесса.

Обсуждая с Н. Г. Полетаевым в феврале 1913 г. издательскую деятельность большевиков, В. И. Ленин писал: «Теперь Горький очень энергично взялся помогать „Просвещению“ и превращать его в большой журнал»¹.

Марксистский журнал «Просвещение» начал выходить в конце 1911 г. вместо закрывшейся «Мысли»². В. И. Ленин рассматривал его как важный орган легаль-

ной работы большевиков, трибуну революционной мысли, противостоящей оппортунизму³. Далеко не сразу удалось наладить в «Просвещении» литературный (беллетристический) отдел. Журнал вообще существовал в труднейших условиях: с одной стороны, цензура все время угрожала ему закрытием⁴, а с другой — отсутствие денежных средств сдерживало возможности увеличения объема издания. Однако для широкой популярности журнала именно беллетристический отдел был остро необходим.

В начале 1913 г. заграничной редакцией «Просвещения» (она руководила журналом, выходящим в России, во главе редакции стоял В. И. Ленин) принимается решение привлечь Горького к руководству организуемой литературной частью журнала. В январе В. И. Ленин писал Горькому: «Из Вены Вы, верно, имеете уже письма о „Просвещении“. Есть верная надежда его упрочить на 1913 г. в малом виде. Хотите, чтобы „мы имели свой журнал“, так давайте двигать вместе»⁵.

По поручению редакции «Просвещения» к Горькому обратился А. А. Трояновский⁶. О его письме и справлялся В. И. Ленин⁷. Горький ответил в самом конце января ст. ст.

ГОРЬКИЙ — ТРОЯНОВСКОМУ

(Капри. Конец января (середина февраля) 1913 г.)⁸

Ал. Трояновскому

Очень извиняюсь, уважаемый товарищ, что не мог ответить Вам раньше. Ваше письмо пришло на Капри в день, когда я уехал из дома, а возвратясь, мне захотелось ответить Вам делом.

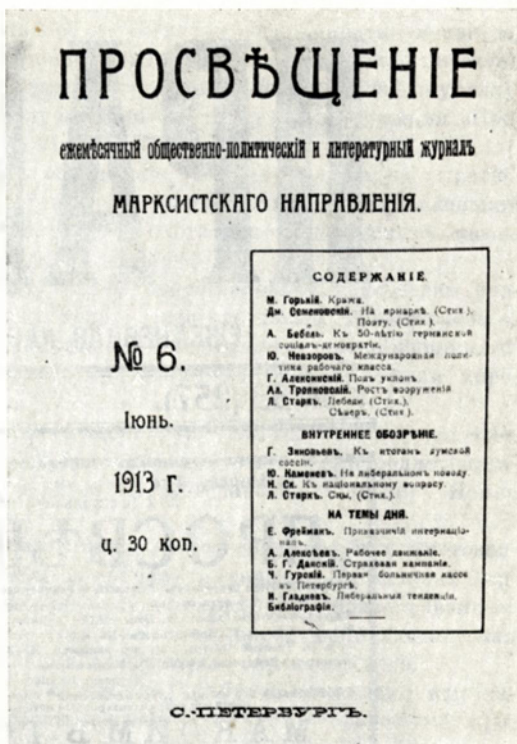
Посылаю мои очерки для «Просвещения»⁹, стихи Старка¹⁰ и Астрова¹¹, надеюсь, они понравятся Вам.

Посылаю также рассказ Тимофеева¹² — не подойдет ли?

Говорил с Буниным и Вольным, имею от них обещания дать рассказы к следующим книжкам, буду просить о том же Олигера¹³. Вообще буду усиленно помогать журналу и своим трудом, и привлечением к нему внимания других литераторов.

На вопрос Ваш о «необходимом характере, содержании и задачах» журнала я мог бы, пожалуй, ответить весьма пространно, но позвольте отложить ответ мой до более свободного времени — сейчас я страшно занят.

Коротко скажу: побольше Запада, побольше внимания к Европе, и пусть это внимание будет возможно всесторонним; необходимо освещать не только политическую жизнедеятельность европейского пролетария, но и по возможности следить за процессом проникновения идей социализма в быт, процесс образования новой психики, интеллектуальный

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ». 1913, № 6

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

№ 53 (257).

Вторник

Въ понедельник, 4-го марта, вышел и поступилъ въ продажу
№ 2 (февральскій) журнала

„ПРОСВѢЩЕНИЕ“

СОДЕРЖАНИЕ: Максимъ Горькій — Будущее. Леонидъ Старкъ — Старикъ (стих.). В. И. — Что дѣла то: въ народничествѣ и что дѣлается въ деревнѣ. Доминикъ Бѣдный — Свѣтъ (басня). В. Оль-скій — Стоимость культа. Политикусъ — Восточный уездъ. Г. Зиновьевъ — Къ итогамъ 1912 г. М. Ольминскій — И вѣсть прелесть. Н. Чужой — Обзоръ рабочаго движенія. И. — Къ нашимъ разбогачившимъ. Л. Германовъ — Сибирскіе истории. Ю. Каменновъ — Объ обязанностяхъ демократа (стихъ). Черноеу). Библиография.

Начиная съ № 3-го въ жур. „Просвѣщеніе“ будетъ вѣстись постоянный библиографическій отдѣлъ, редакціонное котораго приметъ на себя.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

Условия подписки: на годъ 3 руб. 40 коп., (за границу 4 руб. 40 к.), на 6 мѣс. 1 руб. 75 к., (за границу 2 руб. 75 коп.), на 3 мѣс. 1 руб. (съ доставкой). Для годовыхъ подписчиковъ допускается расписка по 1 руб. въ мѣсяцъ. Для учащихся, учителей, рабочихъ, торгово-промышленныхъ, городскихъ, земскихъ, железнодорожн. служащихъ 1 г.—3 руб., на 6 мѣс. 1 р. 40 к.

Адресъ монторы и редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. 30, кв. 11.
Контора открыта съ 8 до 8 час. вечера. Цена отдѣльнаго номера 50 коп.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» С ОБЪЯВЛЕНИЕМ О ВЫХОДЕ В СВЕТ
№ 2 ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» ЗА 1913 г.

1913, № 53, 5 марта

рост нового человека. Это задача не только для художника, а равно и для публициста. Некоторые товарищи-беки могли бы изложить свои наблюдения над бытом западноевроп(ейского) рабочего, былъ этот им знаком.

Побольше фактов, картин, характеров,—это лучше запоминается, глубже действует на рыхлую психику русского человека.

Я взялся бы редактировать подобные письма, конечно, со стороны их формы.

Засим: теория социализма не только не разрабатывается у нас, но — увлеченные политикой — мы слишком игнорируем ее, почти совершенно не следим за ее ростом, а это — необходимо. Особенно теперь, когда русские социалисты сильно наглотались разной метафизики и отравлены ядом индивидуализма.

Считаю также совершенно необходимыми небольшие, ясно написанные статьи о современном состоянии биологии и учения о материи: обе эти дисциплины позволяют делать неотразимые выводы в пользу и утверждение монизма, т. е. выводы антииндивидуалистического характера, имеющие в наши дни огромную социально-педагогическую ценность.

Искренно желаю журналу успеха, прошу высылать его мне. Приветствую Вас (АГ).

Письмо Горького важно и как факт делового начала организации литературных сил вокруг журнала (ведь вместе с письмом Горький уже посылал первые произ-

ведения — свои и других авторов, сообщая об их согласии сотрудничать), и как довольно развернутая, во всяком случае очень четкая, программа участия писателя в большевистском органе, причем программа, принципиально созвучная журналу. Именно поэтому ответ Горького скоро получил горячее одобрение в редакции «Просвещения». Об этом Горькому писал В. И. Ленин:

«Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало, что Вы беретесь за „Просвещение“. А я — покаюсь — подумал было: вот как только напишу про маленький журнальчик или журнальчишко наш, так у А. М. охота и пропадет. Каюсь, каюсь за такие мысли.

Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоединим беллетристов да двинем „Просвещение“! Превосходно! Читатель новый, пролетарский, — сделаем журнал дешевым, — беллетристику станете Вы пускать только демократическую, без нытья, без ренегатства. Рабочих скрепим. А рабочие пошли хорошие»¹⁴.

На обложке февральского номера «Просвещения» печаталось объявление: «Начиная с № 2-го в журнале „Просвещение“ будет вестись постоянный беллетристический отдел, редактирование которого принял на себя Максим Горький». Номер начинался очерком Горького «Вездесущее».

Горьковский зачин беллетристического отдела «Просвещения» был многозначителен. Обращаясь к изображению борьбы за социализм, связанной с самыми корневыми — вездесущими — началами народной жизни, писатель подчеркивал ее значение для современной литературы. Так провозглашалась социалистическая идейность нового, рождающегося направления литературы — пролетарского.

Следует выделить и то, что писатель осмыслил борьбу за социализм как интернациональную задачу трудящихся разных стран. Эта часть горьковской программы очень важна, на ней писатель особо останавливался в письме в редакцию журнала (А. А. Трояновскому).

О проделанной Горьким к этому моменту работе по выявлению возможных авторов нового отдела «Просвещения» можно судить по объявлению от редакции, напечатанному на обложке № 2 журнала, где среди сотрудников и принимающих участие указывались (в алфавитном порядке): С. Астров, И. Бунин, Д. Бедный, К. Волгин, И. Вольный, И. Касаткин, Вс. Кожевников, М. Росляков, П. Рябовский (Л. Старк), Б. Тимофеев, Г. Шапиро. По всей вероятности, некоторые из перечисленных авторов были привлечены к сотрудничеству не только усилиями Горького, но и редакции: Д. Бедный, Вс. Кожевников. Их хорошо знали по тому, что уже появилось в «Звезде» и «Правде»: само направление дарований заслуживало поддержки.

О той деловитости, глубокой заинтересованности, с которыми Горький сотрудничал в «Просвещении», впоследствии вспоминал М. А. Савельев¹⁵, бывший секретарем редакции в России. Подробно и фактически точно рассказывая обо всей истории создания журнала и трудных, поистине героических буднях полуподпольной работы его, Савельев писал и о важнейшей роли литературного отдела: «После довольно длительной переписки с заграницей, редактирование этого отдела взял на себя Максим Горький (Алексей Максимович Пешков), который в это время жил на острове Капри. Им из каприйского далека со свойственной ему аккуратностью и добросовестностью к каждому номеру, начиная с 1913 г., присылаются беллетристические произведения, или собственные, или авторов, близких ему по духу. У русской редакции завязываются с ним постоянные деловые сношения, посылаются на отзыв рассказы и стихотворения, поступающие в портфель редакции, — главным образом рабочих, причем им всегда очень внимательно прочитываются произведения начинающих беллетристов, даются деловые указания, одним словом, ведется большая литературная работа. Мы видим на страницах „Просвещения“ стихотворения ряда наших будущих поэтов (Герасимова и др.). Литературный отдел значительно оживляет журнал, придавая ему более разносторонний характер, популяризируя его через имя Горького среди широких кругов читателей»¹⁶.

В организации литературной части «Просвещения» деятельно участвовал В. И. Ленин. Он живо интересовался делами беллетристики, считая отдел важным

в популяризации журнала. Один из примеров этого — замечания и вопросы к Горькому в майском письме (не ранее 9—10 мая н.с.) 1913 г.: «Как делишки насчет статейки или рассказа в *майскую* книжку „Просвещения“? Мне пишут оттуда, что можно бы издать 10—15 тысяч (вот мы как шагаем!), ежели было что от Вас. Черкните, будет ли»¹⁷.

«Просвещение» стало знаменательным явлением передовой русской литературы этого времени как массовое, дешевое и вместе с тем партийное издание, выполняющее задачи революционного просвещения народа. В прозе журнала среди ведущих тем — история революционного пути «молодого человека» из народа, главным жанром издания стал рассказ, обращенный к массовому рабочему читателю.

В условиях свирепой цензуры беллетристический отдел «Просвещения» существовал всего около полугода лет, и с началом войны журнал был приостановлен. Но и за этот небольшой срок в журнале нашли выражение существенные идейные тенденции русской литературы 10-х годов XX в. Журнал выполнял задачу выявления и объединения пролетарских писателей, чье творчество одухотворено социалистической идейностью, связано с развитием революционного движения. О своем пристальном внимании этой поры к процессам демократизации литературы Горький говорил в одном из писем 1916 г.: «Начинающих писателей знаю тьм-тьм...»¹⁸ Подвижническое собирание сил новой литературы — именно революционных писателей в революционной среде — осуществлял Горький. В этом ему помог и журнал «Просвещение».

Существенными для характеристики идейно-художественной направленности «Просвещения» как издания, связанного с ранним периодом развития социалистического искусства, представляются горьковские произведения. Кроме лирико-публицистического очерка «Вездесущее», в журнале печатаются рассказ «Кража» (1913, № 6), первая глава «Детства» (1913, № 9), рассказ «По душе» (1913, № 11; под названием «Едут» позже вошел в цикл «По Руси»). В контексте творчества писателя тех лет все они по-своему показательны, неслучайны: в них находит решение большая и современная художественная задача — исследование народной жизни, национального характера в свете нового понимания народности, вызванного идеями революционного преобразования жизни. Ведь и горьковские циклы 10-х годов «По Руси», «Сказки об Италии» складывались из рассказов-фрагментов, которые в единстве рисовали величественную картину духовной жизни народа, его исканий и верований, того, как в самих глубинах народа вызревает тяга к новой, светлой и свободной жизни.

Даже негативный по содержанию рассказ «Кража» не выпадает из этой проблематики. На общелитературном фоне того времени, когда обсуждалось влияние первой русской революции на жизнь народа и национальный характер, на историю культуры, а писатели и публицисты давали разные, подчас противоположные ответы, отчетливо проступает полемический подтекст рассказа.

Причины снижения духовности, расшатывания нравственных устоев жизни трудового народа Горький видит не в якобы разрушительных веяниях революции, а в капитализации страны, во влиянии «господской» культуры. Тихий солдат Лука Чекин, возвращаясь с военной службы домой, совсем не случайно совершил кражу — поступок, которым окончательно разрушаются его связи с прежним деревенским миром. Бывший крестьянин, оторванный от труда, от основ народной нравственности, он уже давно и исподволь развращался нечистоплотностью, паразитизмом офицерской среды. В ней день за днем опустошалась его душа, коверкалась человеческая судьба, была украдена в конце концов его жизнь. Небольшой рассказ Горького по-настоящему емок социальными выводами об основах народной нравственности.

Художественный стиль Горького периода 10-х годов отражает разноликость жизни — и ее светлые, и драматичные стороны, и процессы внутреннего движения в ней. Это свойственно и произведениям писателя, появившимся на страницах «Просвещения». И здесь Горький то открыто тенденциозен, как в лирико-публицистическом очерке «Вездесущее», то выражает эпически мощное течение жизни в формах

психологического реализма, как в «Краже», как в «Детстве». Горького-художника отличает в это время и стремление обогатить реалистический стиль приемами романтической субъективности: то формами эмоционально окрашенного авторского повествования (и это свойственно, например, «Детству»), то приемами насыщенной контрастности, пейзажной символики (что характерно для рассказа «По душе»). Все эти особенности творческих исканий Горького оказываются активно воспринятыми молодыми писателями пролетарского круга, произведения которых увидели свет и в «Просвещении».

За полтора года — с № 2 за 1913 по № 5 1914 г. — в «Просвещении» опубликованы стихи, очерки и рассказы двадцати авторов: семь из них выступали как прозаики, тринадцать — как поэты. В идейно-тематической направленности прозы и поэзии отчетливо выделяются две сближающиеся линии: общедемократическая и революционно-пролетарская. Ведущей выступает революционно-пролетарская. Журнал печатает произведения разные, непохожие друг на друга. Новизна, самостоятельность творческого почерка, а также жизненных наблюдений ряда авторов обращают внимание уже в первых номерах «Просвещения» (№ 2, 3, 4 за 1913 г.), в которых определялось «лицо» беллетристического отдела. Может быть, один из самых показательных по разнообразию материала, интонаций — № 3 журнала. В нем появились произведения пяти авторов: рассказ Б. Тимофеева «Музыкант Кандырин» и стихи: Гр. Шапиро — «Фиалки», С. Астрова — «Утро», Л. Старка — «К весне» и Вс. Кожевникова — «Городу».

Реалистически точен, убедителен рассказ Тимофеева. Интересен он и присутствием «горьковского начала»: оно проявляется в изображении людей социальных низов. Герой рассказа, старый музыкант, хотя и существует почти подаянием, но и на дне жизни сохраняет озабоченность высоким человеческим чувством. Рядом с этим достоверно правдивым, бытовым рассказом стихотворные произведения Шапиро, Астрова, Старка прочитываются как бы на контрастном фоне. Это лирические стихи с романтической символикой, одухотворенные возвышенными, героическими переживаниями — мечтой об изменении жизни, о светлом и ожидаемом будущем. Именно в таких смыслах раскрываются в них аллегории весны и утра: лирический герой этих стихотворений полон ощущений молодости жизни, оптимизма, несет в себе революционные стремления.

В приемах высокой патетики, обобщенно-романтической образности написано стихотворение «Городу». Поэт делает попытку художественно выразить мысль о «городе» как авангарде в преобразовании мира, он утверждает идею революционной солидарности «города» и «деревни», всех эксплуатируемых. Тема города, характерная для пролетарской поэзии этих лет, предстает здесь в обобщенно-историческом и социальном аспектах. Вот начальная ступень истории города:

О город, кто тебя распял среди полей,
Где дали синие сливались с небесами! (...)
И плыл твой бледный зов в грядущие века,
Как крик о помощи, затерянный в тумане.

Поэт славит и призывает новую эпоху истории:

Но годы шли. Ты в скорби возмужал,
Ты силы новые копил под игом рока,
И голос твой окреп, как крепнет среди скал
Мятежный шум глубокого потока.
Труби ж в гранитный рог и кличем боевым
Взволнуй и потряси заплаканные нивы!
Мы голос свой с твоим соединим
И в твой призыв вплетем свои призывы.

Видимо, не случайно стихотворение появилось в номере, посвященном 30-летию со дня смерти К. Маркса. Память К. Маркса отмечалась в журнале статьями В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» и Ал. Стоянова «Карл Маркс. (К 30-летию со дня смерти)». Подчеркнем, что переключка — тема-

Сторону Маврикия И. М. Касаткину
 М. Горький. 20 ноября 1928

ФОТОПОРТРЕТ ГОРЬКОГО С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ-АВТОГРАФОМ
 И. М. КАСАТКИНУ

Архив Горького, Москва

тическая и идейная — литературного отдела с материалами общеполитическим присутствует в журнале постоянно.

Достойными учениками Горького и в то же время уже в чем-то самобытными писателями со своей темой, очень важной в развитии литературы — темой революционного пробуждения человека из глубинных народных пластов — выступают в «Просвещении» И. Касаткин и И. Вольнов. Заслуга введения в литературу этих ярких представителей крестьянской темы в литературе 1910-х годов во многом принадлежит Горькому, что хорошо известно. Однако особенностям их участия в марксистском журнале «Просвещение» исследователи не придают должного значения, а это важно и интересно с точки зрения общих процессов развития литературы в это время.

Писательский путь И. М. Касаткина начался, когда он уже прошел университеты революционного подполья. Своим ранним стихотворным опытам он не придавал серьезного значения, но вот в 1904 г., находясь в тюрьме, молодой революционер написал два небольших рассказа («Путина» и «Нянька»), с них и началась настоящая тяга к творчеству. В 1907 г. в нижегородской газете «Судоходец»¹⁹ появился первый рассказ Касаткина («Путина» — 8 и 11 ноября), в последующие годы там печатались многие из его произведений. В 1908 г. Касаткин выслал несколько рассказов на Капри — они вызвали пристальный интерес Горького. С его одобрения рассказы Касаткина вошли в сборники «Знания», Горький рекомендует молодого писателя в журнал «Заветы». В «Просвещении» (1913, № 5) публикуется небольшой цикл «Маленьких рассказов» Касаткина: в нем три произведения — «Песосека», «Ожидание» (позднее перепечатывался под названием «Богомаз») и «Из жизни скитальца». Через много лет — в 1932 г. — Касаткин не случайно вспоминал о своей обширной переписке с Горьким в 1910-е годы, вспоминал и об участии в марксистском «Просвещении». И тем и другим определялось самое главное в творческих поисках молодого писателя.

КАСАТКИН — ГОРЬКОМУ

(Москва. Конец января 1932 г.)²⁰

Алексей Максимович!

В годы реакции (1908—1913) я имел с Вами постоянную письменную связь с Унжи и с Керженца, куда попадал по высылке, а Вы жили на Капри. Именно в эти годы Вы выводили меня «в люди», учили, печатали в «Знании»²¹ и в пар<тийном> журнале «Просвещение» и в др. местах. До 30 Ваших писем этого периода я в свое время тут сдал в Ваш музей²². Сейчас я хочу вступить в члены «Общества старых большевиков». Нужны три справки от известных лиц, знавших меня в дооктябрьские годы. Две у меня уже есть от нижегородцев-стариков. Третью я прошу от Вас. Напишите в несколько строчек о том, что Вы действительно в эти годы держали меня «в глазу», что я действительно в эти годы рос как писатель и проч. Пожалуйста!

В 15 и 16 году Вы же, через Екатерину Павловну, извлекли меня из Нижнего и послали с некой организацией спасать беженских детей на фронте, где я и действовал до 18 года²³.

Ив. Касаткин (АГ)

В 1910-е годы Касаткин — один из постоянных корреспондентов Горького. Горькому интересен взгляд молодого писателя-революционера на окружающее, его наблюдения, его жизненный опыт. Одним из поводов для сближения Касаткина с Горьким было то, что они были нижегородцами. С огромной доверчивостью писал Касаткин Горькому. Среди тем их переписки — крестьянство и русская революция.

КАСАТКИН — ГОРЬКОМУ

(Кстово. Июнь, до 28, 1912 г.)²⁴

Дорогой Алексей Максимович!

В Макарьеве я был, но Лаптева²⁵ не застал. Он перебрался на жительство в Асхабад, к отцу, железнодорожному служащему. Этому парню всего лишь 22 года. Он уже пробыл два года в университете, на медицинском. Его адрес у меня вскоре будет.

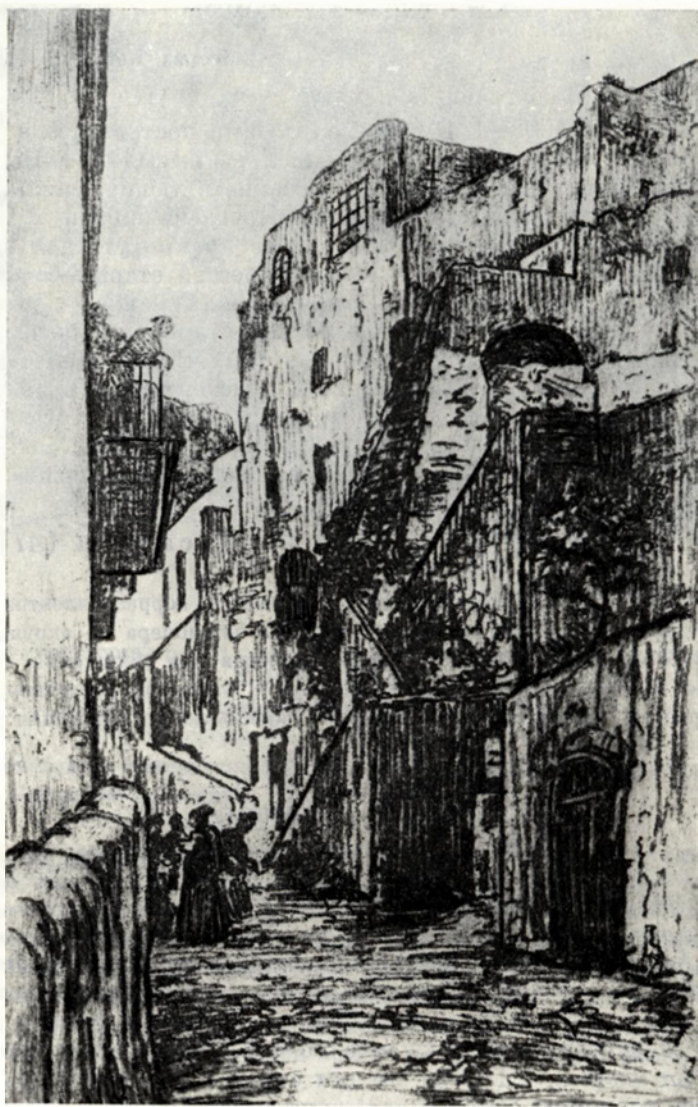
Спасибо за карточку. Если судить по ней, Вы — настоящий орел, подавай Вам бог здоровья! Только вот эти стены из каприйского камня вокруг... лучше, если б их не было, а?!

Что Вам о Кстове²⁶ поведать? Русь местная — да местная ли только — имеет такой облик, что трудно и угадывать, чем она, матушка, теперь живет, что думает и чего ждет. Не знавал я людей Вашего времени, но крепко думаю, что нынешний дачник — сугубо «дачник». Вот как мудро живут: всяк на своем шестке, не дальше.

Еще недавно эта публика так шумно реагировала на «ромашки» и другие «цветки» безвременья нашего. Теперь даже в эту сторону отклики слабы²⁷. Благо, если это знаменует поворот к мысли о лучшей деятельности. Но сдается мне, что ныне, как никогда, «мы ленивы и нелюбопытны»²⁸. Ничто, кажется, не в состоянии встревожить нас и настроить.

О четвертой Думе?²⁹ Разговоры о ней так редки и вялы, что кажется, будто и Думы-то у нас не существует. Познергичнее о выборах хлопотет промышленник, видимо. Масса — молчит. А среди крестьянства и вовсе глухо. Вторая, четвертая... так что-то, будто сон длительный.

Бездейственное время! Люди в большом разброде, и не слышно сзывающих голосов. «Общественность» цветет лишь в среде крупной промышленности: тут на каждый день вылупляется по синдикату³⁰,

КАПРИ. УЛИЦА

Офорт В. Д. Фалилеева. 1912

Музей Горького, Москва

и с каждым днем, при благосклонности «сфер», великолепно утверждают в благодатях...

Скучно в газетах пишут? Да, очень скучно! Видимо, тут теперь воцарился и орудует тип, о котором можно сказать словами романа: «разочарованному чужды все увлечения прежних дней»³¹. А в дне настоящем он по маковку «увлечен» переживанием и смакованием всякой дрянни, в изобилии отлагаемой обывательщиной верхов и низов.

Не потому ли среди рабочих теперь так заметно живое стремление — обзавестись своими газетами? Это теперь всюду идет широкой полосою³². В Нижнем недавно тоже возникла рабочая газета, пока еженедельная³³. Правда, тут пока чувствуется некий недостаток в свежих, зрелых силах, в живом и ясном слове, даже несколько чувствуется приевшийся (технический?) шаблон, — при всем этом, все же, тут много и

отрадного. А свежие силы придут! Их выдвинет масса, ее молодежь, не заезженная болезненной апатией — героиней дня.

Однако о Кстове я ничего не сказал. Кстово битком набито дачниками. Нет самой захудалой избы, которая не сдана. Хозяева ютятся в банях, на погребах, в землянках, в поlogах на огороде... Мужики здешние — удивительный народ... Порченный здесь мужик — и дачник тому виною. Молодежь, дачная и парни, без усталости сражаются в футбол — игра, затмившая игру в карты даже...

Между прочим, теперь всюду (о городах речь) молодежь увлекается чтением Джека Лондона³⁴. После увлечения арцыбашевской «смертностью» — и это хорошо. Жаль, большинство русских авторов — нытыва безутешная... В литературных типах хочется видеть побольше силы, здоровой активности. На эти качества молодежь вот уже предъявляет спрос.

Вот Бунин — славный талант. Какая углубленная и тонко-ажурная обрисовка психологии героев и картин природы! Но печаль и печаль берет за сердце, когда закрываешь его книгу. Почему это? Не потому ли, что Бунин рисует перед нами нечто, долженствующее уйти из жизни, отживающее, а не то, что должно прийти, — нарождающееся, новое... А славно пишет он, право!

Здесь, на Кудьме, живет Чириков. Развеселый человек!

А что приключилось с «Нов(ым) ж(урналом) для всех»? Он меня прямо зарежет невысылкою гонорара³⁵. Даже на письма не отвечают. Говорят, там уже новые люди? И во главе — Сологуб³⁶ со своими баньками и немощами...³⁷

Осенью мне предстоит отсюда выбраться³⁸; нужно бы на Юг. Щупаю почву на Кавказе. Если ничего не найду тут, придется обратить внимание на Киев, Харьков, Черноморье — вот бы хорошо, но ведь там работу трудно найти.

Пока состою в безработных. Службу после «сидения» утерять. И не пишу, не начал... Последнее — моя болезнь. Хочется не так писать, как писалось, — вот на чем я теперь споткнулся. Вы говорите: время не пришло. Но ведь и уходит хорошее, молодое время!

Читаю, немножко рыболовствую, немножко лечусь. Приходилось ли Вам проводить ночь с удочками под кстовским обрывом? А еще лучше — стоять лодкой где-либо на стрежне, с подпусками? Хорошо! Вчера ночью среди Волги застала меня великолепная гроза и ливень. И в то же время, где-то далеко, за полями и в разных местах, стояли три огромных зарева: пожары... Горит деревня, то и дело горит!

Если удосужитесь — напишите, весьма обрадуют! Адрес мой — на Кстово, до осени. Привет россиянам, обретающимся на Капри!

Желаю Вам добра и здоровья! Жму руку!

Ив. Касаткин (АГ)

Зная своеобразие жизненного опыта и наблюдений Касаткина (он вел революционную пропаганду среди крестьян, жил как ссыльный в глуши), Горький советовал еще в 1908 г.: «Был бы рад и счастлив, если б Вам удалось написать ряд небольших рассказов и очерков на тему о том, чем живет, что думает деревня наших дней, какие знаки оставило в душе ее недавнее прошлое»³⁹.

В идейном становлении Касаткина темы, названные Горьким, были главными. С ними он выступил и на страницах «Просвещения». О рассказах, появившихся в журнале, речь идет в одном из писем Горького.

ГОРЬКИЙ — КАСАТКИНУ

(Капри. Середина (конец) марта 1913 г.)⁴⁰

Дорогой Иван Михайлович!

Для больших журналов Ваши рассказы недостаточно значительны, я послал их в «Просвещение».

«Гренадер» — тема чрезмерно избитая. Больше других мне понравился очерк «Лесосека». Интересен по настроению и своевременен последний очерк.

Не отвечал так долго потому, что очень занят: много приезжих из России, большая корреспонденция. Устаю и не совсем здоров, чего Вам не желаю.

Очень жаль, что Вы мало пишете, очень!

Крепко жму руку.

А. Пешков (АГ)

Первый в цикле «Маленьких рассказов» — «Лесосека» — о том, что патриархальной деревне приходит конец: лесосеки теперь не узнать, на ней появляется машина, чудом «сбрывающая» лес, как говорит крестьянский паренек Егорка, уходящий на заработки. Во втором рассказе — «Ожидание» — показаны приметы необратимой новизны в жизни народа. После грозowych лет революции многое меняется, жизнь становится иной — расшатана вера, и герой рассказа иконописец Овцын остается без работы: ведь иконы его никому не нужны. Психологически убедительно в рассказе раскрыто самое начало пробуждения сознания старого человека. Его, отца, не может не трогать участь сына, сосланного студента. Именно через сочувствие страдальческой, как кажется старому богомазу, судьбе родного человека (а это подвиг борьбы) душа его наполняется интересом к происходящему. Это подчеркнуто последней сценой рассказа, где герой читает письмо сына: «И катятся у старого иконописца из глаз слезы отцовской гордости, внутри растет и ширится новая радостная надежда и ожидание чего-то близкого, что, быть может, вот уже тут, за порогом...»⁴¹

Третий в цикле — лирико-публицистический очерк «Из жизни скитальца» (потом переименован — «Из жизни странника»). Вероятно, он был послан Горькому отдельно, так как приведенное письмо содержит отзывы только о трех рассказах: отвергнутом «Гренадере», «Лесосеке» и, видимо, «Ожидании», который одобрен. В определенном смысле «Из жизни скитальца» — это попытка развития горьковской темы «Человека». В форме монолога-исповеди Касаткин возмечивает человека труда, чувства пролетарской солидарности и верности социалистическому идеалу. Лирический герой рассказа-монолога мечтает о больших переменах в жизни, ждет и призывает их.

Идейная направленность «Маленьких рассказов» Касаткина близка появившимся в «Просвещении» рассказам И. Вольнова и Б. Тимофеева. И для этих молодых писателей-демократов, вошедших в литературу при самой непосредственной поддержке Горького, тоже было принципиально интересно прежде всего то новое, что внесла в жизнь народа, русской деревни недавняя революция. В ответах на проведенную журналом анкету⁴² читатели-рабочие называли рассказ И. Вольнова «После смены» среди самых удачных.

По всей вероятности, не случайно Вольнов использовал форму рассказа-письма. Исповедальность рассказа, его психологическая насыщенность, лаконизм говорят об усвоении опыта прежде всего Чехова. Тимоха Меньшаков, деревенский паренек, недавно пришедший на шахту, тоже пишет письмо в деревню, как чеховский Ванька Жуков. Но психологический сюжет у Вольнова насыщен новым жизненным содержанием. Тимоха — член революционного кружка. Пробуждение личности, пробуждение сознания — вот о чем это яркое, самобытное произведение.

И жизненным материалом и характером его осмысления рассказ близок «Повести о днях моей жизни». В нем та же обнаженная правда о темной и дикой деревенской жизни: герою рассказа тоже до бешенства ненавистны и до слез жалки

несчастные мужики, их холопство, жестокость, невежество. И здесь Вольнов изображает не только ужас жизни, придавленной бесчеловечной эксплуатацией, но и начало социального прозрения человека из народа, его протест. Произведение Вольнова относится к тому направлению русской литературы 1910-х годов, которое освещено идеями социализма, связано с «новым духом» борьбы; он в это время, по словам В. И. Ленина, «повеял во всей массе русского народа»⁴³.

Проблема становления личности человека из народа — в центре рассказа «Иван» (1913, № 4), напечатанного под псевдонимом «Сергей Хмурый» (принадлежит, видимо, Б. Тимофееву). В произведении заметно влияние, с одной стороны, Горького, с другой — Короленко. Герой рассказа — молодой рабочий (железнодорожный сторож) Иван — внутренней силой, которая в минуту испытания проявляется со всей мощью, очень похож на короленковского Тюлина: рискуя жизнью, он предотвращает крушение поезда. Но он уже сходен и с горьковским «проходящим» — человеком, ищущим смысла жизни, своего места в ней. Иван протестует не только против эксплуатации, но и против тупой покорности, безропотности людей труда.

Принципиальная идейная направленность рассказов Касаткина, а также Вольнова и Тимофеева, появившихся в «Просвещении», станет особенно ясной, если вспомнить, какое большое место и в общественно-политической жизни, и в художественной литературе 1910-х годов занимал вопрос о влиянии революции 1905—1907 гг. на русское крестьянство. Он вставал в связи с обсуждением творчества Л. Толстого. Именно по этому вопросу развернулась резкая полемика вокруг «Деревни» И. Бунина. Напомним, что в марксистской «Мысли» с оценкой «Лета» Горького и «Деревни» Бунина в 1911 г. выступил В. Воровский⁴⁴. В «Просвещении» откликом на тему крестьянства и русской революции явилась статья В. И. Ленина «Что делается в народничестве и что делается в деревне» (1913, № 2). Развенчивая «словесный, фразистый „социализм“ („народный, а не пролетарский“)»⁴⁵, Ленин критиковал писателя-народника Ф. Д. Крюкова, выступившего в «Русском богатстве» (1912, № 12) с очерком «Без огня». Революционное брожение деревни, в том числе рост атеистических настроений, пробуждение классового сознания, Крюков оценивал через своего героя — «сладенького попика», «сторонника „любви“, врага „ненависти“» — как крушение устоев и заветов, как проявление анархии, нигилизма, разгула разрушительных страстей и инстинктов. Ленин называл эту точку зрения «толстовской», «христианской», «глубочайше-реакционной»⁴⁶.

Как видим, линия марксистского «Просвещения» в осмыслении — и политическом, и художественном — того, «что делается в деревне», была единой. Журнал боролся за пролетарское мировоззрение и, в частности, против либерально-народнической публицистики, фальсифицирующей действительные процессы, боролся за передовую революционную идейность в литературе, обращенной к демократическому читателю, прежде всего рабочему.

Идейное и творческое становление молодых писателей горьковского круга — и Касаткина, и Вольнова, и Тимофеева — происходит на основе широких связей с традициями, в частности и на основе усвоения опыта их крупнейшего современника — И. Бунина. С этой точки зрения особенно показательны творческие интересы Касаткина.

В художественной манере молодого писателя — в его тяготении к сюжетам большой психологической концентрированности (это свойственно лучшим рассказам Касаткина) — определенно угадывается усвоение опыта и Чехова и Бунина. Но в обращении к некоторым мотивам и сюжетным конструкциям, узнаваемым по предшественникам, присутствует полемичность.

Существенное значение в творчестве Бунина 1905—1907 гг. имеет тема назревающих перемен в русской жизни. Яркое воплощение она получила в повести «Деревня». Определенные подобию бунинским мотивам можно встретить не однажды у Касаткина. Писатель часто изображает своих героев как бы в канун чего-то значительного. Однако в произведениях Касаткина вырисовывается иная — оптимистическая — перспектива, при всей драматичности жизни, что существенно от-

личает его деревню и деревенских героев от бунинских. Если горизонты жизни у братьев Красовых в «Деревне» Бунина сужены крушением надежд, безысходностью и даже их бездетность подчеркивает тенденцию вырождения, замирание всей жизни, то совсем иным эхом откликаются грозовые раскаты времени в судьбах героев Касаткина. В душах даже старых людей, уже проживших, казалось бы, свою жизнь, рождаются светлые надежды. Таков иконописец в рассказе «Ожидание», таков и самый старый житель села Микульского. И в рассказе «Село Микульское» показывается необоримость перемен в жизни, принесенных революцией. Не случайно в центре жизни всей деревни — и молодых, и старых — оказывается крестьянский агитатор-революционер, его слов, его призывов уже давно ждали. В жизнь Микульского с каждым днем входит что-то новое, небывалое, и «молодое» — революционное — пробивает себе дорогу.

Серьезность интереса Касаткина (как и Вольнова) к творчеству Бунина осложнена и полемикой с ним, пониманием принципиальных отличий своей позиции. Именно о таком отношении свидетельствует письмо Касаткина, посланное Бунину в связи с его юбилеем — двадцатипятилетием литературной деятельности, которое широко отмечалось общественностью в 1912 г.

КАСАТКИН — БУНИНУ

(г. Семенов. Не ранее 30 октября — начала ноября 1912 г.)⁴⁷

Уважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Шлю искренний привет и поздравление. Примите глубокое спасибо от благодарного читателя и маленького собрата по перу. На долгие годы желаю Вам лучшего, что знаю в мире: здоровья, бодрости и ясности душевной.

В наше время на ниве родной литературы мало видно пахарей, как Вы. Особенно радостно приветствовать Вас теперь, когда Вы направили свой плуг по великой пространством и скорбями, почти заброшенной долине крестьянского мира. Мне, как живущему в глуши, из всех современников как-то особенно дороги Вы, обративший светлый талант свой в сторону темной, ото всего отброшенной жизни масс. Я полон предчувствиями и твердо верю, что Вы еще ближе подойдете к этой жизни, впитаете ее в себя, сольетесь с ней и — как некогда дали нам верные облики уходящих из жизни людей — дадите верные и глубокие образы людей, вырастающих и грядущих в жизнь. Да, тут многое — хаос, неустроенность, тьма... Но сердцевина и силою велика, и духом светла. Как можно, чтобы Захары Воробьевы⁴⁸ без конца источали и силу и совесть в никчемных порывах. Нет, они выпрямятся во весь свой духовный рост и понесут нас, как ту старуху, к тому, без чего так душно жить.

Не позволите ли мне изредка переписываться с Вами? Уже не в первый раз я покинул город и живу в лесу, на Керженце. Край глухой. Весной буду заниматься древосеянием в казенном лесу, а пока — у лесничего в канцелярии помогаю.

Письмом — обрадуете. Я давно писал бы Вам, но не знал адреса, а сейчас узнал из газет. Читал описание Вашего праздника и как бы присутствовал на нем и за вереницей депутатий и потоком приветствий представлял себе живые вереницы героев творений Ваших... А «Суходол» вышел?⁴⁹ Хотелось бы мне его иметь. Всего Вам доброго.

Ив. Касаткин

Семенов, Нижегородской губ. Лыковское лесничество.
Касаткину (Ивану Михайловичу)

В последующие годы интерес Касаткина к Бунину и его творчеству не ослабел. Зимой 1914 г., после многих лет переписки с Горьким, Касаткин наконец увиделся с ним. В день первой встречи на квартире Е. П. Пешковой Касаткин познакомился

и с Буниным⁵⁰. В конце года Касаткин предложил «Книгоиздательству писателей в Москве» сборник своих рассказов (вышел в 1916 г.). Видимо, вскоре Касаткин и получил письмо Бунина, которому в издательстве была передана рукопись книги.

БУНИН — КАСАТКИНУ

(Москва. 27 декабря 1914 г.)⁵¹

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Вы, вероятно, уже знаете, от Катерины Павловны⁵², что я отказался от редакторства в «Книгоиздательстве писателей» (недели три тому назад). Все Ваши рукописи я передал новой редакции, у меня остались только «Лоси». Хотелось бы поговорить с Вами — позвоните мне по телефону 2-55-63.

Ив. Б у н и н

Предполагавшийся Буниным разговор (а, возможно, и встреча) состоялся. Этот вывод подсказывается еще одним сохранившимся письмом.

КАСАТКИН — БУНИНУ

(Москва. Январь, около середины, 1915 г.)⁵³

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Будьте добры, простите меня, — я так заваливаю Вас своими произведениями, отнимаю время. Но, если б знали Вы, как ценно для меня, в настоящем и будущем, Ваше слово! Уже только видеть Вас — тогда⁵⁴ — для меня было и приятно, и внутренне ценно, ибо последние два-три года я жил только Вами, как художником, восторг и удивление переживал над каждой новой строкою Вашей. Под Вашим влиянием я, до сих пор сидящий в глуши и безлюдье, уже многое нашел и оставил... Но все же — ошущью пока пробираюсь. Но — фальшь уже претит. Ее Вы увидите в моем прежнем писании.

Этих «Лосей», если приемлемы, быть может, можно вставить в сб. «Слово». Впрочем, не знаю⁵⁵.

Глубоко уважающий Вас и любящий

Ив. К а с а т к и н

Зацепа, Б. Дворянская, д. 11, кв. 2

Сам факт внимания Бунина к творчеству Касаткина, его участие в подготовке сборника «Лесная бэль» (а об этом и говорится в письме) являлись признанием даровитости молодого современника.

Еще более сложные отношения притяжения и отталкивания связывали с Буниным И. Вольнова.

Из воспоминаний Горького о Вольнове известно⁵⁶, как равнодушны были оценки молодым писателем-революционером произведений Бунина и как остро воспринял Бунин то новое о русской деревне, что так сильно зазвучало в творчестве Вольнова. Эти свидетельства подтверждаются и рядом дополнительных фактов.

Племянник Бунина Н. А. Пушешников в своих дневниковых записях во время пребывания на Капри отмечал расхождения Бунина и Горького в оценках «Повести о днях моей жизни». Интересна сделанная им запись отзыва Бунина о горьковском мнении: «ценит не талант, а направление»⁵⁷. Еще характернее запись от начала 1913 г., где сравнивается отношение Горького к Бунину и другим писателям: «Отношения Г(орького) к И(вану) А(лексеевичу) не такие, как с другими писателями, здесь проживающими. С ними его связывают чувства и интересы, которых, мне кажется, он не хочет даже показывать И(вану) А(лексеевичу). В их среде он чувствует себя учителем, — эта роль ему, по-видимому, нравится, — руководящим их литературным развитием. Да и держит он себя с ним совсем не так,

как с А. А. <Золотаревым>, Б. Т. <Имощевым>, А. С. <Черемновым>, Л. С. <Тарком> и др. По вечерам он иногда собирает их у себя и устраивает чтения вновь выходящих книг. Мы несколько раз, придя невзначай, заставляли его за этим занятием (встречал нас в таких случаях суховато, — точно мы подсмотрели что-то такое, чего нам знать не нужно). Читались обыкновенно новые вещи Подъячева, Чапыгина, Сивачева и Гребенщикова, произведения которых Г(орький) хвалил постоянно⁵⁸. В этом течении литературы он признавал начала, из которых должно развиться что-то значительное»⁵⁹.

Запись ценна как свидетельство обостренного внимания Горького к новому в литературе, особенно к тому, что исходит из глубин жизни, а также связано с революционными процессами. Поразительная широта литературных интересов Горького проявлялась как раз во внимании и к таланту, и к направлению, а, может быть, больше всего — в удивительном чутье к только еще пробивающимся в новом направлении талантам. Даже и расходясь с Бунинным в «направлении», Горький высоко ценил его талант. С постоянной настойчивостью Горький стремился привлечь Бунину к своим издательским начинаниям.

Не была в этом отношении исключением и деятельность Горького — редактора «Просвещения». В каких формах предполагалось участие Бунина в журнале — не ясно, но о полученном от него согласии известно из письма Горького Трояновскому, а также из печатного объявления о беллетристическом отделе (см. № 2 за 1913 г. — об этом говорилось выше). В журнале появилось лишь одно стихотворение Бунина — «Матрос» (1913, № 4). Можно предположить, что препятствием к привлечению Бунина в журнал, как и других писателей, послужило то, что журнал оставался «тонким» и редакция располагала весьма умеренными возможностями для выплаты гонораров.

Именно об этой большой трудности, мешавшей расширению журнала, Горький писал М. А. Савельеву во второй половине 1913 г., подводя некоторые итоги своих редакторских усилий. Об этом можно судить по одному из сохранившихся ответных писем Савельева Горькому.

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Начало сентября, не позднее 11, 1913 г.)⁶⁰

Дорогой товарищ!

Письмо Ваше получил, оно нас сильно подбодрило, думаем, что с будущего года сумеем встать на ноги и хотя отчасти бы избежать тех недостатков, которые препятствуют журналу сделаться настольной книгой каждого сознательного пролетария.

Одна из важных задач в этом отношении, это оживить журнал. Нам уже сейчас приходится слышать, что с появлением беллетристики интерес к нему со стороны широких кругов рабочих вырос, приходилось слышать, что, напр., «Вездесущее» читали вслух в рабочих клубах, то же басни Д. Б. <Едного> и т. д.

Сейчас мы озабочены тем, чтобы сколько-нибудь сносно и по возможности регулярно освещать: 1) вопросы внутренней текущей жизни, 2) давать регулярные обзоры иностранного и 3) русского рабочего движения. Последнее уже более или менее налажено. Привлечены к этому делу и сами рабочие, напр., Алексеев, помещающий у нас обзоры⁶¹, сам бывший рабочий.

Вы пишете, что беллетристов трудно привлечь. Конечно — это основная наша беда, что мы не можем им сколько-нибудь сносно платить. Ведь это публика все, или живущая исключительно литературным трудом, или даже отчасти просто голодающая. Вообще невозможность для нас выплачивать сколько-нибудь приличные гонорары — основная наша беда. Сильно надеемся в этом отношении на подписочную кампанию на 1914 г.: заполучим тысячи полторы подписчиков годовых, сумеем и гонорары выплачивать сколько-нибудь существенные...

Мы выплачиваем сейчас гонорар в 25 р. за лист, уплатили Касаткину, вообще всем, кто к нам обращался. Но хотелось бы на этот счет все же условиться с Вами более подробно. Дело в том, что мы часто не знаем, нужно платить или нет за вещи, присланные через Вас. Например, Старку? И сколько? Может быть, Вы, присылая рукопись, могли бы нам попутно помечать, сколько и по какому адресу нужно высылать. Расценку за беллетристику, которая бы, по-вашему, могла бы иметь большой интерес для дела, можно было бы, пожалуй, несколько увеличить против нормы, когда автор на наших условиях (25 р. лист) не соглашается помещать ее в журнале. А как быть с поэтами? Мы приблизительно расценивали по 10—15 коп. строка (Семеновскому). Может быть, платить поштучно?

Сейчас многое, конечно, будет зависеть от подписочной кампании, если удастся собрать «фонд», думается, мы должны повысить гонорар за 40 рублей.

Относительно приложений поговорю с Тихон(овым)⁶², трудно только будет, пожалуй, дать беллетристическое приложение. Мы думаем дать в качестве такого избранную переписку К. Маркса с Энгельсом, которая теперь выходит под общей редакцией Рязанова⁶³.

На этих днях мы получили от Войтин(ского) (тот, который печатал в «Русс(ком) бог(атстве)» «Смертники»⁶⁴ и в последнее время о жизни каторжан — отмеч(ено) было «Речью», «Нов(ым) врем(енем)» даже (Розанов⁶⁵ и т. д.) большой роман в виде хроники из 1905 г. С приблизительным содержанием: Мюнхен, первые известия из России о 9-ом января. Герой романа бросает университет, приезжает в Россию, сцены из митинговой жизни в университете, работа в партии, 17 октября, работа в деревне...

Если роман подойдет, было бы очень важно начать его печатать раньше, поэтому мы пришлем Вам первую главу в наборе, а остальные отдадим переписать на машинке и очень бы просили не задерживать с ответом. В всяком случае, если он пойдет, необходимо его чрезвычайно внимательно просмотреть с цензурной стороны...

В кн(иге) № 9 поместим Ваш рассказ «Детство»; необходимы были бы также стихи — а их нет.

Мы посылали Вам ряд рукописей: 1) Из Тунгусской жизни⁶⁶, 2) Чердынцева «Гражданин Лев...»⁶⁷ и т. д. Какова их участь?

В последней, 9-ой книжке думаем поместить из небеллетристических вещей: Степанова — «Империализм»⁶⁸, «Письмо Энгельса» — прощание с читателями в последнем № «Соц.-дем.», издав(авшегося) в Швейцарии во время закона о социалистах⁶⁹, статьи об аграрных мероприятиях⁷⁰, Шляпникова о хронометраже⁷¹, о германском партийтаге⁷² и целый ряд мелочей.

В Питере пока ничего особенно интересного. Судорожная борьба за газету⁷³. Все же пока ничего поделать не могут. Тираж «Правды» упал до 30 тысяч — это верно, но зато усилились взносы (в среднем на № 160—180 р.), а кроме того, свыше 200 р. ежедневная продажа в типографии за наличные, так и оборачиваются, даже фонд не трогали. На этих днях предстоит рождение еще одного «собрата» — дешевого, еженедельного страхового журнальчика⁷⁴. Издатель Малиновский⁷⁵. Как слышал, материальные дела московской газеты⁷⁶ тоже недурны, но зато «карантин»⁷⁷ там будет почище питерского.

Теплейший привет

М. С. (АГ)

Следующее (по сопоставлению фактов) письмо Савельева Горькому вновь красноречиво говорит о всесторонности связей редакции с писателем, об опоре на его рекомендации.

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Середина октября 1913 г.)⁷⁸

Дорогой друг!

Получил Ваше письмо. С романом «Волны»⁷⁹ вышла маленькая ерунда. Он послан был для «верности» с оказией. А вышло, как это и всегда бывает в таких случаях, как раз наоборот. «Наши друзья»⁸⁰ заинтересовались, захотели прочитать, да чуть было и не зачитали. Во всяком случае он теперь должен находиться у Вас. Автор ничего не имеет против переделок и сокращений. Да без сокращений его нельзя было бы поместить уже из-за цензурных соображений. Первая глава этого романа у нас на всякий случай уже набрана, и вот, если Вы принципиально выскажетесь за принятие романа и ничего не будете иметь против помещения первой главы так, как она есть, то мы ее тогда пустим в ближайшем №.

В настоящее время здесь опять выплыл на сцену кружок рабочих литераторов⁸¹, кое с кем из них встречаюсь. Они все время носятся с мыслью получить доступ к литературе, а то печататься им почти совсем нигде. Озлоблены на «интеллигенцию» — так называемую, и на разного рода издателей: страшно «затирают», не дают «хода» и т. д., — вот как приблизительно относятся даже к нашим изданиям. Носятся они с мыслью издавать литературный журнал. — Но вещь эта весьма хитрая, для постановки такого журнальчика нужны и силы и средства. Одно время они довольно усиленно присылали свои стихотворения в «Просвещение»; я пересылал Вам их, получал с пометкой, что «слабо», «не подходит» и т. д., да и верно — вещи слабые, но что же делать? Как поощрить? У меня мелькала мысль создать что-нибудь вроде приложения к журналу, давать время от времени один лист для начинающих рабочих беллетристов. Правда, если их выделять из других, получается как-то обидно: что же в журнале проводится какое-то деление на черную и белую кость. Но они лично на это пошли бы охотно, лишь бы иметь возможность доступа к читателю.

Может быть, Вы могли бы со своей стороны что-нибудь выдумать, хотелось бы им помочь, я охотно могу вступить с ними в более тесное общение...

При этом письме прилагаю вырезку двух резолюций, которые были присланы на редакцию «За правду», возможно, что вызовут они и еще целый ряд...⁸² К этой книжке не успели, а в следующей поместим статью Каменева о задачах театра и отношении к литераторам из «Биржевки», которую он обещал написать⁸³.

Привет (АГ)

Обсуждение с Горьким вопроса о помощи кружку рабочих беллетристов, группирующихся вокруг большевистских изданий, — факт показательный для работы редакции «Просвещение». Марксистское издание на деле выступало собирателем творческих сил демократии, самого левого ее крыла — пролетарского.

Поэтические произведения печатаются в журнале постоянно, круг авторов все время расширяется.

Почти из номера в номер в журнале появляются басни Д. Бедного. Его басни — это острые политические сатиры. Пролетарский баснописец клеймит весь аппарат дворянско-буржуазной власти России как преступный в отношении к народу («Воры», «Свеча», «Ослы», «Молитва», «Портрет»). Каждая из басен Бедного прочитывалась в острозлободневном аспекте. Так, в «Свече» подразумевался обман народа манифестом 17 октября 1905 г.: вместо обещанной, как говорится в басне, «стопудовой свечи» — конституции, народу достался жалкий копеечный огарок. За публикацию басни № 2 журнала за 1913 г. был конфискован. В басне «Урожай» Бедный разоблачал эксплуатацию народа церковью: произведение появилось в мо-

мент общественных дебатов о месте религиозных учреждений в государственной системе в связи с участием церковнослужителей в выборах в Государственную думу.

Д. Бедный пишет о чудовищной эксплуатации народа (басня «Благодетель»), откликается на тему роста пролетарского сознания (басня «Клад», стихотворение «Друзьям»).

Самобытную манеру сатирического дарования Д. Бедного высоко ценили передовые современники, его басни пользовались популярностью в рабочей среде. В отзывах рабочих на анкету «Просвещения» басни Бедного отмечены среди лучших выступлений беллетристического отдела⁸⁴.

Революционная непримиримость писателя вызывала нападки на него не только в лагере врагов, но и «друзей». Так, со статьей против баснописца выступила ликвидаторская «Наша зarya», пытаясь доказать нехудожественность, лубочность его манеры. Ответом на этот выпад явилась басня «Утешение» (Просвещение. 1913. № 5), в которой поэт утверждал право искусства на жгучую правду жизни.

Басни Д. Бедного выражали наиболее ярко общественно-политическую линию поэзии «Просвещения»⁸⁵. По-своему ее представляли и другие поэты: Вс. Кожевников, М. Герасимов, Дм. Семеновский, Л. Старк.

Дважды печатаются в «Просвещении» стихи Вс. Кожевникова, часто выступавшего в «Правде»: в № 3 за 1913 г., как уже говорилось, появляется его стихотворение «Городу», в № 1 за 1914 г. — стихотворение «Ряд тяжелых решеток, монументы и плиты...». Оба стихотворения написаны в традициях романтической лирики. В сурово-мужественных и скорбных интонациях высказано в стихотворении Кожевникова раздумье над могилами революционных борцов:

Ваша вера живая затаилась с вами,
Не она ль с каждым годом многолюдней, шумнее
У высокой могилы собирает поминки? (...)
И в послушных пролетах колокольни пугливой
Ваши речи порою отдаются набатом!..

Как в годы реакции, так и нового революционного подъема пролетарские поэты часто писали о жертвах революции. Напоминание о подвиге павших борцов не только служило разоблачению контрреволюции (стихи такого содержания, трагического колорита особенно характерны для лет реакции), но и соединялось с призывом к новой борьбе. Таково и стихотворение Кожевникова: оно воплощает мысль об исторической памяти пролетариата — бойцы не забыты, жертвы не напрасны, час революционной расплаты придет.

Кожевников — постоянный автор «Современного мира», через Иорданского он пришел в «Звезду», а оттуда — в «Просвещение». Стихи Кожевникова, как об этом можно догадаться по письму Савельева от середины октября 1913 г., пересылались Горькому из России. Они вызывали интерес Горького и потом, при подготовке сборников пролетарских поэтов.

С горячим сочувствием отнесся Горький к судьбе М. П. Герасимова, рабочего, участника революции 1905 г., вынужденного после нее эмигрировать. Позднее в автобиографии Герасимов, уже известный советский поэт, писал, что начал он печататься именно в «Просвещении»⁸⁶.

Переписка Герасимова с Горьким началась, вероятно, во второй половине 1913 г. В № 12 «Просвещения» уже появились стихи «Рабочему» и «Заводской гудок», в № 1 за 1914 г. — «У витрины».

В стихах М. Герасимова городская тема, как правило, решается в остросоциальном плане: поэт говорит о тяжелой жизни рабочего, призывает к решительной борьбе. Таковы стихотворения «Рабочему» и «Заводской гудок». Герасимов затрагивал и повседневность городской жизни беднейших слоев. Одно из таких стихотворений — «У витрины». В нем — человечески чистое чувство, поэт обеспокоен судьбой деревенской девушки, предупреждает ее от соблазнов дорогих витрин, удовольствий города:

...Цветком ты будешь средь цветков,
 С благоуханною волною
 Умчишься в мир весенних снов.
 Уйди же! За твоей спиной
 Растет довольный, пошлый смех,
 Бульвар с змеиной головою
 Зовет тебя на страшный грех!

Стихи начинающего поэта еще во многом несамостоятельны и несовершенно. В стихотворении «У витрины» это особенно ощутимо в попытке применить к теме, традиционной для демократической литературы, приемы символистского характера.

Одно из сохранившихся писем Герасимова к Горькому относится, видимо, к концу 1913 г.

ГЕРАСИМОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Конец 1913 г.)⁸⁷

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам рассказы: «В земле», «Хризантемы», «В горах», — и стихи. Предлагал все это «Ниве», но вернули, и мне стало обидно. Неужели ни один не заслуживает внимания? А между тем я убежден, что там сплошь и рядом печатают вещи не лучше. И прямо иной раз руки опускаются, и хочется выругать всех как следует.

Вы писали, что «Просвещение», может быть, напечатает некоторые стишки, как бы узнать мне, какие? Спросить редакцию? Дело в том, что у нас в Париже налаживается рабочий сборник, и я думаю поместить там кое-что.

С товарищеским приветом

Мих. Герасимов (АГ)

Видимо, еще до ответа Герасимову Горький весной направил один из присланных рассказов — «Хризантемы» — А. Н. Тихонову с просьбой предложить «Просвещению»⁸⁸. Вскоре из России последовал и подробный, доброжелательный ответ писателя Герасимову.

ГОРЬКИЙ — ГЕРАСИМОВУ

(Петербург. Апрель — май 1914 г.)⁸⁹
 Г-(ну) Михаилу Герасимову

Ваш рассказ «Хризантемы» будет напечатан в «Просвещении»⁹⁰, четыре стихотворения — в сборнике рабочих⁹¹. Обратитесь за гонорарами сами.

Рассказ «В земле» признан неудобным для сборника: Марсель слишком уж русский, а весь рассказ — растянут, запутан. «В горах» для сборника не подходит, но это недурная вещица, переделайте ее немножко и пошлите мне.

Вообще все Ваши рукописи посылайте мне, а то Вы посылаете одни и те же вещи в «Просвещение», сборник⁹² и мне, все это — в конце концов — собирается у меня на столе, и очень путает меня. Или посылайте все «Просвещению» — мне передадут.

Пишете Вы все лучше, — как приятно мне сказать Вам это! Особенно удаются Вам некоторые стихи о России. Не кажется ли Вам, что пора издать в «Прибое»⁹³ маленькую книжку лучших стихов? Если — да, присылайте мне, что найдете подходящим.

Очень советую — читайте хороших стилистов, учитесь! Вы — человек с несомненным дарованием, и Вам следует упрямо оттачивать, шлифовать его.

Желаю успеха, будьте здоровы!

А. Пешков

Извините, что долго не отвечал: был серьезно болен и перебирался из Италии на Русь.

Мой личный адрес:

СПБург. Кронверкский просп, № 23, 10 (АГ)

Рассказ «Хризантемы» о голодном быте революционной русской эмиграции в Париже, несомненно, сложился из многих и многих личных впечатлений. Его героиня, революционерка, молодая мать, оказавшись на осенних улицах в Париже одна, без работы и средств к существованию, остается человеком нравственно стойким и чистым.

Этим еще ученически написанным, но правдивым рассказом Герасимов включался в полемику о революции и революционерах, остро развернувшуюся в литературе. Вспомним, что бурные дебаты в критике и публицистике вызвали «Морская болезнь» Куприна, а также роман «То, чего не было» Ропшина (Савинкова).

С этой темой в марксистской критике и публицистике связаны и статья-памфлет В. В. Воровского «В ночь после битвы» (О веяниях времени. СПб., 1908), и статья В. И. Ленина «Еще один поход на демократию» (Невская звезда. 1912. № 24 и 25, 2 и 9 сент.). Ленинская статья явилась ответедью на очередную веховскую попытку опорочить русскую революционную эмиграцию, которую предпринял журнал «Русская мысль», напечатав очерк А. Шепетова «Русские в Париже. Письмо из Франции» (1912, № 8). Об испытании революционера тюрьмой, подпольем, эмиграцией правдиво писали только последовательно демократические писатели и публицисты. А среди них и авторы «Просвещения».

При всей творческой неопытности Герасимова для его произведений характерно одно, очень существенное: они развиваются в русле революционной идейности. Это и вызвало пристальный интерес Горького к ним. Горький читает, отбирает и правит стихотворения Герасимова для сборника пролетарских поэтов. Вероятно, весной 1914 г. Горький задумал издание лучших из стихов Герасимова отдельной книжкой. Ее подготовке, несомненно, было посвящено не одно письмо Горького, о чем говорит следующее из сохранившихся его обращений к рабочему поэту.

ГОРЬКИЙ — ГЕРАСИМОВУ

(Петербург. Начало лета 1914 г.)⁹⁴

Очень прошу Вас, милый товарищ, пересмотреть стихи Ваши еще раз! Так хочется сделать книжку лучше, ярче, яснее!

Ведь Вы подумайте: Вами и подобными Вам зачинается на Руси новая, истинно демократическая, настоящая народная литература!

Разве для этого не стоит потрудиться? Стоит, товарищ!

Вслед за Вашей книгой выйдут и еще несколько, — вообще, мне кажется возможной большая, интереснейшая работа.

Посылаю Вам немножко денег, дабы Вы нашли свободное время для работы.

Будьте здоровы и желаю успеха!

А. Пешков (АГ)

Осуществлению замысла помешала первая мировая война. Книга стихов М. Герасимова появилась позднее в издательстве «Парус» (Вешние зовы. Пг., 1918).

В первые же месяцы войны Герасимов оказался, как и многие русские эмигранты, в Париже, без работы, в тяжелейших материальных условиях. Об этом он писал Горькому.

ГЕРАСИМОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 8/20 августа 1914 г.)
Paris, 20 août

Очень стыдно мне писать Вам, дорогой Алексей Максимович, письмо в таком духе, но бывают времена, когда приходится, скрепя сердце. Мало даже надежды, что Вы его получите, но хватаешься за все, а Вы единственный, к кому я могу обратиться.

В двух словах — мы голодаем: я, жена, ребенок и вообще публика. Не решаюсь описать подробно положение русских, рабочих и нерабочих, — ввиду вероятной цензуры писем (т. к. Париж — на осадном положении). Скажу только — мы поставлены в такие условия, что или помирись с голодом, или «добровольно» иди в солдаты.

Жизнь страны совершенно заглохла. В одном Париже 600 000 безработных. Почти все магазины закрыты.

Мне с «Просвещения» полагается получить небольшой гонорар за рассказик и стихи, писал им несколько раз — безрезультатно. Если бы Вы, Алексей Максимович, сказали им, они наверняка прислали бы, если нельзя переводом, то телеграфом.

О литературных делах не спрашиваю, должно быть, все сложено на полки.

Желаю Вам доброго здоровья, с товарищеским приветом

Михаил Герасимов

P. S. Может, уйду на войну раньше получения ответа, адрес на всякий случай таков: M-me Guerassimoff-Schtammer, 31-bis, rue d'Alesia, Paris (AG)

В поисках средств к существованию Герасимову пришлось стать волонтером французской армии. Горький, потеряв с ним связь, желая помочь, разыскивал его через отца⁹⁵.

Другой молодой поэт, рекомендованный Горьким в «Просвещение» и деятельно поддерживаемый им, — Д. Н. Семеновский. Знакомство — заочное — Горького с ним состоялось в начале 1913 г. (см. XXIX, 303). Прочитав присланное Семеновским, одобрив его поэтические опыты, Горький направил некоторые из них в «Просвещение». С № 6 1913 г. там печатались стихи Семеновского: «На ярмарке» и «Поэту» (№ 6), «Весенний перезвон» (№ 7), «Все тебе» (№ 10), «Безумцы» (№ 11). Горький рекомендовал Семеновского в «Современный мир», «Вестник Европы». Он просил Е. К. Малиновскую о необходимой помощи молодому талантливому поэту⁹⁶. Письма Горького Семеновскому 1913—1914 гг. содержат щедрые и нужные для молодого поэта советы, высотой требований раскрывают большую творческую перспективу. В них и программа развития всей революционной поэзии. Горький пишет: «Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Миккевич, как Шиллер, нужен поэт-демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая» (XXIX, 304).

О внимании к себе Горького в эти годы (да и впоследствии) Семеновский расскажет потом в воспоминаниях «Письма и встречи»⁹⁷. Горький откликался на каждое обращение молодого поэта: более тридцати писем его к Семеновскому относятся только к 1913—1917 гг. Ответные письма поэта (их тоже много) интересны как свидетельства постепенного роста его⁹⁸. В общении с Горьким расширился круг его интересов — общественных и литературных. Горький настойчиво советовал, обращаясь к классике, подходить к современной литературе с высокими требованиями. Это вызывало живой отклик у молодого поэта. Вот характерный отзыв в одном из писем: «Читал Пушкина и Гейне, который на меня произвел огромное впечатление. Особенно понравилось „Лирическое интермеццо“, хотя перевод, кажется, тяжелый. Какое жгучее, глубокое чувство в этих стихах» (AG). Мир современной литературы захватывает Семеновского. Он восторгается Блоком, с увлечением,

даже чрезмерным, восхищается «естественной красотой» поэзии Клычкова, что критически отмечено Горьким в «строгом письме» к Семеновскому. В поле зрения Семеновского — и другие явления литературы: «Хорошо пишет Всев. Кожевников», — упоминает он в одном из писем, а в другом: «Хорошо пишет Ив. Вольный, крепкий и меткий язык» (АГ). В ряде писем Семеновский признается и в огромном значении для него произведений Горького⁹⁹. Вот показательный отзыв из неопубликованного письма: «Ваше „Детство“ прекрасно, я благоговею перед ним. Как рельефы и выпуклы лица, сколько поэзии, бабушка — прелесть» (АГ).

Письма Горького содержали немало самых конкретных, деловых рекомендаций по поводу отдельных стихотворений Семеновского. Присланное Горькому стихотворение «Пролетарии» вызвало ряд достаточно серьезных замечаний. В рукописи его Горький вычеркивает лишнее, выделяет подчеркиванием главные погрешности стиля — повторение одних и тех же слов, несоответствие избранных эпитетов теме, построения фразы ведущей интонации. Например:

Слышишь в грозном затишьи отдаленный мерный гул?

.....
Слышишь [гул] отдаленный [от] гул * бесчисленных ног?

То идут батальоны, неуклонны, как рок,

Как судьба безотвратны. Все тревожней их шум.

Припиской на полях писатель подытожил свои замечания: «Следовало дать больше гулких, тяжелых слов» (АГ).

Стихотворение «Весенний перезвон» было рекомендовано Горьким в «Просвещение», но и его писатель подвергал строгому критическому разбору. Последние четыре строки первой части Горький предложил сократить: «Конец — сладок, излишен», — пояснил он на полях рукописи. Придирчиво отношение писателя и к рифмам — подчеркиванием он выделяет рифмы беззвучные, нечеткие: «в поле ли» — «пролили», «стрелены» — «зелены», «дымные» — «переливные». Оценку интонации стихотворения Горький выразил в заметке на полях: «Клюева читали? Это можно бы написать короче, ладнее» (АГ).

В творчестве каждого из привлекаемых в «Просвещение» — начинающего Дм. Семеновского, поэта-рабочего С. Астрова, партийца-студента поэта Л. Старка — Горький стремился выявить широту восприятия мира, духовное здоровье, жизненный оптимизм, — по его убеждению, коренные свойства истинно демократического мировоззрения.

Оптимистический настрой отличает большинство стихов Семеновского, появившихся в «Просвещении». Одно из лучших — «На ярмарке». Солнечная картина сельского праздника по своей романтической стилистике близка Горькому. Погорьковски активна поэтическая декларация Семеновского «Поэту». В духе традиции, воспринятой от Горького, молодой поэт провозглашает задачи революционного искусства, зовущего к преобразованию жизни. Уподобляя поэта ткачу, Семеновский выражает мысль о связи демократического, народного искусства с идеями революции:

Ткач узорных песен из цветистых нитей,
Вей еще искусней трепетную вязь (...)
Но и кровью павших свой узор наполни,
Ввей в него зигзаги разъяренных молний,
Заревом багровым ало расцвети...

Сей по черной ниве брызги жгучих зерен,
Жаль огнистым словом, проклинай и плачь, —
Вей не уставая... твой ковер узорен, —
Тки еще цветнее, вдохновенный ткач!

* Слово вписано Горьким, а заключенные в квадратные скобки — вычеркнуты им.

Из письма в письмо Горький не случайно повторяет Семеновскому один и тот же совет: «...любите свою душу свободной, учитесь у всех — не подражайте никому. Слушайте всякие советы — делайте по-своему» (XXIX, 324).

Проходя еще ступени ученичества, молодой поэт немало подражал. Так, одно из стихотворений цикла «Безумцы» — «Обреченный» — являлось попыткой решения революционной темы средствами символистской образности:

Он — пленный рыцарь... Смотрит в твердь,
В окно с решеткой и звездами,
Он отдал все прекрасной Даме,
Чье имя — Правда. Завтра — смерть.

Многословие, отвлеченная образность, а больше всего, конечно, скованность «современной бутафорией и театральщиной», как писал Горький в одном из писем (XXIX, 316), помешали поэтическому выявлению революционной темы «безумства храбрых».

В поэтической мозаике «Просвещения» самое большое место занимают стихи, выражающие, как правило, с помощью аллегории или символа готовность к революционной борьбе, ожидание революционных перемен. Очень характерно это для поэтических произведений С. Астрова и Л. Старка. В № 3 «Просвещения» за 1913 г. появляется стихотворение Астрова «Утро», а в 1914 г. — «В весеннем венке» (№ 2), «Солнце и сердце» (№ 3), «Апрель» (№ 4). Астрова Горький горячо рекомендует и журналу «Современник»: в № 1, 2 и 8 за 1913 г. там будут напечатаны его стихи. В письме Е. А. Ляцкому 10/23 января Горький, высказываясь о такой важнейшей, по его мнению, задаче журнала как борьба с общественным пессимизмом, обращал внимание редактора журнала на стихи Астрова, ценные своим бодрым духом. В связи с этим Горький и просил поместить стихи Астрова рядом со своим рассказом «Кладбище» как близкие по настроению (Г—Ляц, п. 49).

Переписка Горького с С. Г. Астровым завязалась в конце 1912 г. Сохранилось, видимо, первое письмо Астрова Горькому.

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Осень 1912 г.)¹⁰⁰

Глубокоуважаемый товарищ!

Посылаю Вам несколько моих стихотворений с просьбой напечатать их, если найдете допустимым, в сборн<иках> «Знания»¹⁰¹.

Два слова о себе. Я — рабочий. Пишу много лет. Много — стих<ов> и прозы — печатал в России, с 1907 года¹⁰². Мне 25 лет, должен признать, что верю в свои способности, и, хотя это будет нескромно, <хочу> сказать, что я чувствую в себе большую силу. Мне кажется, я могу создать что-то большое, значительное... Я знаю, что могу. Простите, дорогой товарищ, что беспокою Вас. Я так давно собирался Вам написать хотя бы пару слов, чтобы поблагодарить Вас всей душой за то, что Вы, не зная меня, дали мне, за то, чем я обязан Вам. Я не вполне выражаю свои чувства, но Вы поймете меня...

Пользуюсь этим случаем уверить Вас в любви и уважении

Семен Астров

Paris, rue Linné, 41, V^e

Р. С. Гонорара не хочу, но, если бы было можно получить несколько книг издательства «Знания» — Ваших, Шелли, Мутера¹⁰³ или др., — был бы бесконечно благодарен (АГ).

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Начало (середина) ноября 1912 г.)¹⁰⁴

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Глубоко тронут Вашим участием, которого, признаться, не ожидал, и от всей души благодарю Вас. День получения Вашего письма был для меня праздником... Все Ваши замечания продумал — и сделал со стихами, что мог. Очень трудно обрабатывать вещь, которую считаешь готовой, со всеми ее недостатками. Видите ли, еще я привык главным образом обращать внимание на смысл, а не на слова. Отдельные слова меня не смущают, если только смысл ясен. Потому — у меня часто слова не совсем четки. Я очень мало сделал для обработки стихов, но думаю — достаточно...

Вы спрашиваете, что я делаю в Париже? Просто живу. Работаю на фабрике и, кстати сказать, очень скверно зарабатываю. Кое-как перебиваюсь. Очень трудно. В Россию ехать не могу, хотя страшно жажду. Ваше предложение меня бесконечно обрадовало, но — Вы пишете — нужно иметь 100—120 фр. в месяц. У меня же никакой помощи нет. Единственное — труд, свой труд. Я привык жить весьма плохо, особенно в последние месяцы, когда было мало работы. Приходилось жить на 30—40 франков в месяц, приходилось голодать неделями. Но, право же, я никогда не унывал. Авось, и дальше так будет... Во мне теплится какая-то неуывающая вера, что-то жгучее, не победимое, ничем. Даже теперь, когда пишу Вам, хотя в комнате страшно холодно и я мерзну, мне бесконечно радостно, в уме сплетаются какие-то яркие смелые мысли, и мне так хочется сказать Вам что-то пламенное, сильное... Простите, что сантиментальничаю... Вы говорите, что я встречу у Вас компанию хороших парней, — да, я был бы рад встретиться. Но как? И у Вас ведь я мог бы работать? свободно? много? — Так хочется, — кажется, готов дни и ночи работать. Здесь урывками работаешь, утомленный, никак не сосредоточишься, не выразишься, как хочешь... Оттого все, что пишу, не закончено, неотделано, написано наспех... А многого хочется!..

Не послать ли на днях Вам еще пару других стихов?

Еще раз благодарю Вас. Всего светлого.

Ваш Семен Астров

Paris, rue Linné, 41 (АГ)

Писатель ответил, видимо, вскоре, приглашая Астрова на Капри, о чем можно судить по очередному письму рабочего-эмигранта и поэта.

В конце ноября (ст. ст.) 1912 г. (почт. шт. отправления: «Paris. 8.12.12», получения: «Cargi. 10.12.12») Астров вновь пишет Горькому, чувствуя потребность в советах писателя, доверительно делись невзгодами своего эмигрантского бытия.

АСТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 26 ноября/8 декабря 1912 г.)¹⁰⁵

Я послал Вам мои стихи. Не знаю, получили ли Вы их. Я с большим нетерпением ждал Вашего письма. Но, не утерпев, пишу Вам. Каковы стихи после исправления? Я предполагал послать еще кое-что на днях Вам, но было не до этого. Вы позволите мне быть откровенным? — Я хочу Вас попросить кой о чем. Простите... Я уж больше месяца не работаю, страшно задолжался, работы нету, тут зима, просто мне нечем жить. И к тому же я ужасно одинок в Париже... Мне не хочется об этом писать, но, если бы Вы знали, как тяжело. Прошу Вас, если можете, одолжить мне франков 100—120 до тех пор, как получу работу. При первой возможности возвращу Вам. Я понимаю, что очень

нехорошо поступаю, прося Вас об этом, но — простите! — я решительно теряюсь в этом моем положении голодного и одинокого. Мне очень стыдно говорить об этом, но уверяю Вас — никому в мире я бы не сказал этого, кроме как Вам. Я знаю, Вы поймете и простите меня... Я о Вашем предложении поехать на Капри подумал и решил поехать. В Париже мне нечего терять. За все время, что я здесь (8 месяцев), я ничего не делал, потому что все время голодал и страшно тяжело работал... Но у меня нет денег для дороги... Еще прошу Вас, если решите послать, то, пожалуйста, по телеграфу, потому что, если я не уплачу за комнату в эти вот 2—3 дня, мне грозит ночевка на улице. Как только заработаю, возвращу Вам.

С. Астров (АГ)

В конце зимы — начале весны 1913 г. Астров гостил на Капри (вероятно, в марте — апреле). Здесь завязались дружеские связи его с молодыми писателями горьковского круга — А. А. Золотаревым, Л. Н. Старком, Б. А. Тимофеевым, А. С. Новиковым-Прибоем. О своем пребывании на Капри, огромном значении для себя встречи с Горьким Астров потом с благодарностью вспоминал в дружеском письме А. А. Золотареву.

АСТРОВ — ЗОЛОТАРЕВУ

(Париж. Середина (конец сентября) 1913 г.)¹⁰⁸

Алексейч дорогой, наконец-то получил от Вас весточку. Только вчера Ник<олай> Ал<ексеевич>¹⁰⁷ мне передал Ваше письмо. Вчера же послал Вам отпечаток моих переводов из Пасколи¹⁰⁸. Получили? Согласен с Вами, родной, относительно рецензий. Действительно, не нужно было. Это так, между прочим. Выдержки из рецензий о Бальмонте были перепечатаны в Бюллетенях литературы и жизни...¹⁰⁹ Что хорошего? Говорил мне Ник<олай> Ал<ексеевич>, что вышел Ваш «Дж. Бруно»¹¹⁰. Пошлите экземпляр, если можете. Будет хорошо. Теперь о Париже. Познакомился со многими славными парнями. Выступал тут в литер<атурном> кружке. Соблазняя народ на поездки в Италию. Одного поэта, Бравского некоего¹¹¹, отправил во Флоренцию. Чего они в самом деле торчат на одном месте! Много работаю нынче. Так славно, охотно и легко работается! И главное, знаете, положение-то куда лучше, нежели на Капри. Везет что ли, черт возьми. Снял комнату в русск<ой> семье, и такие, скажу Вам, милые, чудесные люди оказались, что и мечтать не смел. Так услужливы, предупредительны. Одно слово — ухаживают, лелеют, ей богу. Так что в этом отношении все хорошо.

А сколько нового в Париже! Бываю кое-где. Очень близко познакомился со скульптором Жуковым. Слыхали про такого?¹¹² А так часто-часто вспоминаешь Капри, Piccol'u Marin'yu!¹¹³ Какое счастье, что я был там. Я очень часто благодарю судьбу, что узнал Капри, Ал<ексея> Максим<овича> и Вас. Это такая важная, серьезная и красивая страница в моей жизни, что, право, не могу себе представить, как был бы без всего этого. Я точно вырос, окреп, силу некую приобрел надолго, может быть навсегда... Помню, бывало, Силыч¹¹⁴ говаривал: «Капри себя покажет!» — Начинает. Читали Вы Бориса рассказы? Его рассказ в «Современнике», 9-ой книге¹¹⁵, — что за прекрасная вещь! Я так волновался после прочтения. Было и радостно и грустно. Но хорошо было... Какой у него дар изумительный! Славный Борис! Только теперь я убежден, что он несомненный, господней милостью талант. «Сухие сучки» меня не особенно восхитили, а теперь я бы расцеловал его... Простите, пишу я беспорядочно, несвязно. Много хочется, много сказать. Не соберу мыслей. Да, адреса Августиновича¹¹⁶ Вы не знаете? Меня просили тут его знакомые узнать. Написали Вы обещанные 12 (библейск<ое>

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ ВИЛЛЫ «СЕРАФИМА»

Фотографии Ш. Н. Манучарьянц. Капри, 1913.

Вверху на стене видна часть портрета Шаяпина
работы И. И. Бродского

Музей Горького, Москва

число — не меньше!) новелл каприйских? ¹¹⁷ — Скорей, Алексей!
Жду, не дожуся!.. Пишите мне. Будьте здоровы. Всего светлого
и доброго.

Ваш всегда Жиль Блаз ди Сарги.

Paris, rue Gensier, 53

Часто появляются в «Просвещении» также стихи Л. Н. Старка ¹¹⁸: в 1913 г. — «Старик» (№ 2), «К весне» (№ 3), «На улице» (№ 4), «Лебедеи», «Север», «Сны» (№ 6), «Радость», «Предчувствие» (№ 11), в 1914 г. — «Перед бурей» (№ 2), «Родина» (№ 4). Как и в стихах Астрова, в них главенствует бодрое восприятие жизни, обращенность к революционной мечте. Именно стихи лирического плана — «Север», «Лебедеи» — наиболее удачны у Старка. Однако в его стихотворных опытах много подражательности: ученически использует он приемы романтической образности. Так, в стихотворении «Сны» Старку не удастся найти впечатляющих средств во

площения идеи преемственности революционных поколений. Лирический герой выступает лишь в облике мечтателя:

Ты не знаешь, кто я? И я тоже не знаю...
 Мне исполнилась тысяча лет...
 Часто грезится мне, будто я исполняю
 Данный кем-то когда-то обет (...)
 Часто вижу себя в подземелье без края...
 Льется сверху откуда-то свет голубой.
 Тишина. Я один. Но я знаю, я знаю:
 На земле происходит решительный бой...

Обращаясь к образу бури — символу революции, — Л. Старк в стихотворении «Перед бурей» не раскрывает его по-новому, а только пересказывает горьковскую «Песнь о Буревестнике»:

Снова ветер пенит волны
 И бросает на утесы,
 Снова с криками над морем
 Плавно реют альбатросы (...)
 В сердце бьется белый сокол,
 Хочет (...)
 Стать могучим вместе с бурей
 И погибнуть вместе с нею...

И тем не менее Горький возлагал надежды на творческое развитие Старка. Так, он предполагал привлечь поэта к переводческой работе для организуемого альманаха грузинской литературы¹¹⁹.

Знакомство Горького со Старком состоялось осенью 1912 г. О первой встрече на Капри с писателем, общении с ним, оставившем след на всю жизнь, Л. Н. Старк вспоминал спустя 20 лет, поздравляя Горького с сорокалетием литературной деятельности.

СТАРК — ГОРЬКОМУ

Кабул, 25 сентября 1932¹²⁰

Тов. М. Горькому — Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам это письмо в день, когда в Москве празднуют сорокалетие Вашей литературной работы. Думаю о Вас (много я думаю о Вас, но сегодня — особенно тянет к Вам), хочется посмотреть, как там все это происходит, на Вашем празднике. Поздравлений Вы получили гору со всех концов Земли; море слов сказано о Вашем значении как писателя и борца — правильных слов и, может быть, только недостаточных, так как нам, Вашим современникам и «соратникам», трудно оценить Вашу жизнь и Ваше значение для того дела создания нового человека, нового мира, новой Земли, прекрасной и радостной, которому Вы себя всего посвятили. Я не буду Вас «поздравлять», как это принято. Но я думаю о том, что в сегодняшний день миллионы людей во всех странах думают о Вас и миллионы сердец бьются любовью к Вам. Это — счастье, которое Вы заслужили всей Вашей удивительной и чудесной жизнью и которое даст Вам еще много, много сил для того, чтобы продолжать Вашу работу, которую можете выполнять один только Вы.

Сегодняшний день — праздник для меня вдвойне еще и потому, что в моей личной жизни Вы сыграли совершенно исключительную роль. С первых шагов моей сознательной жизни я, так сказать, «жил» с Вами; во всей русской литературе конца 19-го и начала 20-го века

я не видел другого писателя, который так близко подходил бы к тому идеалу писателя-борца и революционера, который я себе составил. И потому каждое Ваше новое произведение, каждое выступление Ваше, каждое новое известие о Вас были для меня «моим» личным событием. Так было до моего знакомства с Вами и так в сто раз больше стало после нашего знакомства на Капри. Если я раньше любил Вас как писателя, то после этого я горячо и глубоко полюбил Вас как человека, и это чувство, чем дальше — тем больше захватывало меня всего. И сегодня у меня тоже «юбилей» (простите это нелепое слово): двадцать лет тому назад, в конце сентября, под вечер, подходил к Капри из Неаполя небольшой пароход; молодой человек лет 22-х стоял облокотившись на поручни и смотрел на домики, рассыпанные по склону гористого острова, стараясь угадать, в каком из них живет Горький. Этим молодым человеком был я; и этот момент, врезавшийся навсегда и ярко в мою память, стал одним из основных рубежей моей жизни и определил в значительной степени мой будущий путь.

Несколько странное это «поздравление» — говорить о себе. Но, говоря о себе, ведь я, в сущности, говорю о Вас, о том, как Вами «определялась» жизнь одного человека, одного из очень и очень многих, на которых Вы оказали неизгладимое влияние и продолжаете оказывать. И сегодня мне так ярко рисуются все наши с Вами встречи, Ваши разговоры, все то, чему Вы нас, молодых, учили, и что впиталось навсегда в мою плоть и кровь.

Мое письмо стало что-то уж очень длинным, а Вы всегда учили писать коротко. Поэтому буду кончать его.

Чего же Вам пожелать? Ну, конечно, здоровья прежде всего и много, много сил, чтобы Вы могли еще шире развернуть Вашу работу для Советской Страны и будущей Советской Земли, в которой осуществляются Ваши слова о том, что «человек,— это звучит гордо». Действительно, это гордо звучит, когда думаешь о Вас.

У меня большая просьба к Вам. Пришлите мне с Ольгой Андреевной¹²¹ Ваш портрет и напишите на нем пару слов. Он будет всегда со мною, где бы я ни находился.

А то у меня ничего нет, кроме плохих фотографий. Это будет мне самым лучшим подарком от Вас к 15-й годовщине Октября. Хорошо?

Ну, вот все. Обнимаю Вас крепко и целую.

Ваш Леонид Старк (АГ)

К концу 1913 г. успех беллетристического отдела «Просвещения» был несомнен. Появившиеся на страницах журнала новые произведения Горького, Д. Бедного, молодых прозаиков — И. М. Касаткина, И. Е. Вольнова, Б. А. Тимофеева, а также молодых поэтов помогали привлечению к изданию читателей из рабочей и демократической среды, помогали увеличить тираж марксистского издания.

В очередном письме Горькому М. А. Савельев благодарил писателя за материалы для № 11 журнала за 1913 г., просил ускорить пересылку стихов и прозы для следующего номера. В заботах и размышлениях о том, каким будет литературный отдел в будущем — 1914 г. — Савельев исходил из уже определившихся черт литературной части журнала: материалы его должны быть разнообразны, включая и стихи, и прозу, желательна связанность их со злободневными вопросами общественного и литературного развития, наконец, — журнал готов открывать путь в литературу именам новым, помогать определению талантов. Подразумевая эти возможности, Савельев и советуется с Горьким о ближайших номерах «Просвещения».

САВЕЛЬЕВ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 2 декабря 1913 г.)

2-го декабря

Дорогой друг!

Получили Ваше письмо¹²², получили также стихи и рассказы¹²³, за все большая благодарность. Вы писали нам, что, может быть, дадите что-нибудь на декабрь¹²⁴. Если бы Вы могли прислать нам что-нибудь для декабря теперь же — было бы очень хорошо, так как собираемся книжку «Просвещения» (дек<абрь>) выпустить до Рождества.

Очень большие надежды на 1914 г., все будет зависеть от того, как пойдет подписка. Рассылаем около 35 000 переводов¹²⁵, послали предложение обмениваться объявлениями в целый ряд провинциальных газет. Может быть, пустим некоторую публикацию в «Речи», «Дне» и т. д.

Очень жалко, что не налаживается литературно-критический отдел в журнале. В этой книжке хотели поместить статейку о задачах театра в связи с Вашим письмом¹²⁶, обратились к Каменеву, он не изготовил, обратились к Фриче — пока никакого ответа. В наших палестинах появился Тихон<ов>¹²⁷, может быть, через него можно будет сделать что-нибудь подобное.

В прошлом письме¹²⁸ я писал Вам относительно того, что тут имеется группа рабочих беллетристов, хотели бы как-нибудь получить доступ к читателю... Многие из них сотрудничают в «Правде», да там уделяется беллетристике очень мало места.

Состав №-а 12 получился довольно разнообразный. Кроме 2-х беллетристических рассказов¹²⁹, будет еще помещено: отрывки из переписки Маркса с Энгельсом¹³⁰; статья Ю. Стеклова о французских черносотенцах и рабочем классе, статья о двух теориях кризисов Т. Барановского и Гильфердинга¹³¹, ст<атья> В. Ильина «По национальному вопросу»¹³² и т. д.

В ближайших книжках, вероятно, будут статьи историка Покровского, опять И. И. Степанова и т. д.

Привет

И.¹³³

Р. С. Может быть, напишете, какие рассказы поместите в 1914 году, мы бы анонсировали... (АГ)

С 1 по 3 номер 1914 г. в «Просвещении» печаталась частями повесть о революции 1905 г. «Год Нюсиной жизни» А. П. Скляренко (под псевдонимом «Марусин»).

Само обращение к теме 1905 г. с 1-го номера — в нем появилось еще и стихотворение Кожевникова, посвященное памяти павших борцов («Ряд тяжелых решеток, монументы и плиты...»), — было не случайным. Так отмечал журнал очередную годовщину 9 января и первой русской революции, напоминая о революционных традициях пролетариата.

Алексей Павлович Скляренко¹³⁴, профессиональный революционер, большевик, впервые выступил в печати с очерками о ссылке «С далекого севера», написанными во время его пребывания в Архангельской губернии (Северный вестник. 1898. № 5—7).

В годы реакции революционер снова оказывается в ссылке, в Вологодской губернии. Там были написаны рассказы «За решеткой» и «Приемный покой» (Вестник Европы. 1911. № 1, 4) — о чудовищном тюремном быте, пережитом им самим не бесследно. За протест против издевательств над заключенной Скляренко был жестоко избит и впоследствии тяжело болел.

В «Звезде» и «Правде» Скляренко выступал со статьями на политические темы, печатал и беллетристические вещи.

Очерковая повесть, помещенная в «Просвещении», имела документальную и автобиографическую основу. В 1905—1907 гг. Скляренко жил и вел революционную работу в Саратове. События рабочего движения тех лет и воссозданы в «Годе Нюсиной жизни». Главная героиня повести Нюся — 4—5-летняя дочка рабочего-революционера Михаила Ивановича Егорова. Через ее детское восприятие и показаны события бурного революционного года.

Герои Скляренко: рабочий-пропагандист Михаил Иванович Егоров, его брат Николай, кузнец Вакула — душевно сильные, бесстрашные, цельные люди. Во время обыска и ареста они ведут себя смело и решительно. Но главное в повести — атмосфера человечности и доброты, взаимоуважения, заботы о близких, о детях, которая свойственна рабочим семьям Михаила Ивановича и его брата. В этом нравственном повороте несомненна и полемическая направленность повести: в литературе и публицистике того времени, в противовес веховской клевете на революцию и революционеров, появляются произведения, в которых мир революционеров показан как истинно и глубоко человеческий.

Теме революции был посвящен и рассказ Вл. Войтинского «Луч света среди ночи» (Просвещение. 1914. № 4). Произведение печаталось как глава из повести «Волны» (см.: Г — Войт, предисловие к переписке). В первоначальные планы редакции публиковать предложенное Войтинским произведение¹³⁵ пришлось внести существенные коррективы: повесть оказалась очень слабой как в идейном, так и в художественном отношении; увидел свет в журнале только фрагмент (видимо, после значительной переработки).

В начале 1914 г. редакция «Просвещения» стремилась осуществить план расширения литературно-критических публикаций: в № 2 печаталась полемически направленная статья «Пролетарская культура в ликвидаторском освещении» за подписью «Т. М.»¹³⁶. Редакция предполагала продолжить дискуссию о пролетарской культуре в следующих номерах журнала, о чем сообщалось в примечании к статье. Редакция хотела привлечь к дискуссии Горького. Об этом известно из письма А. И. Елизаровой В. И. Ленину от 30 июня 1914 г.: «Горький обещал дать осенью рассказ книжки на 3—4. Обещал также статью о культуре и пролетариате»¹³⁷. Закрытие журнала в начале войны помешало этому.

В 1914 г. Горький привлекает в «Просвещение» новых авторов. Среди них Алексей Липецкий, А. Богданов, Лев Гумилевский и поэт, выступающий под псевдонимом «Железнодорожник».

Рассказом Гумилевского открывался № 5 «Просвещения» за 1914 г., оказавшийся предпоследним (журнал закрылся на № 6). Для Л. Гумилевского, как и для М. Герасимовича, это было первое выступление в печати. Его рассказ «В литейной» привлек внимание Горького, видимо, суровой правдой изображения труда рабочего (чтобы избавиться от невыносимо тяжелого труда, рабочий готов на умышленное увечье, но оно оказывается для него непоправимо тяжелым). Уже в этом, одном из самых ранних опытов Гумилевского ярко выступили некоторые из существенных черт его мировосприятия и художественной манеры. Рассказ продолжал намеченную выступлениями Б. Тимофеева, И. Вольнова, М. Рослякова линию сурово реалистического изображения современности.

Свое выступление в печати с одобрения Горького, да еще в марксистском органе, Гумилевский даже спустя многие годы считал знаменательным: тогда с первого же, хотя и робкого шага начался его путь в будущую советскую литературу. Поэтому так показательны воспоминания Л. Гумилевского уже 30-х годов о начале творческого пути, органически связанного с Горьким и «Просвещением»:

«Знакомство мое с Горьким началось перепиской, точнее, посылкой Алексею Максимовичу двух моих маленьких рассказиков, с традиционным вопросом: есть ли у автора способности, стоит ли ему продолжать дальше?»

Горький находился в Италии, я жил в Саратове. Горький — знаменитый писатель, я — студент, исключенный за невзнос платы из университета. С великим изумлением получил я письмо Горького.

Алексей Максимович писал, что судить по присланным рассказам трудно, писать их легко и пишут их много. Удивил его чрезвычайный пессимизм автора. Указывая на это, Горький и заканчивал письмо афористически:

«В двадцать два года — это даже для русского рано».

Письмо относится к 1912 г. Я не располагаю подлинником: оно, как и другие, находилось в моем архиве, взятом у меня, якобы, на хранение каким-то самозванцем. Это, значит, рано или поздно, эти письма появятся на свет¹³⁸. Но содержание письма, разумеется, я помню очень хорошо.

Обескураживающего там ничего не было, и я продолжал писать с очень скромными намерениями.

Годным для печати показался мне один рассказ под заглавием „В литейной“. Сообразуясь с его содержанием, я послал его в конце следующего, 1913, года в редакцию журнала „Просвещение“ (...) Прошло довольно много времени, пока я получил ответ Редакции. Он начинался с извинений за задержку ответа, так как „рассказ находился у Горького“, и кончался сообщением, что рассказ будет напечатан в одном из ближайших номеров журнала. Ждать пришлось недолго. Рассказ появился в майской книжке за 1914 год с оглавлением на обложке. Оглавление начиналось с моего имени, и я целый месяц с гордостью посматривал в выставленную в витрине магазина книжку „Просвещения“, прохаживаясь по Немецкой улице, главной в Саратове» (АГ).

Марксистское «Просвещение» вместе с Горьким как организатором его беллетристической части на деле решали задачу объединения революционных сил литературы. Возникали и закреплялись связи с молодыми писателями, продолженные затем в других марксистских изданиях — прежде всего в журнале «Летопись». Произведения, печатавшиеся в «Просвещении», закрепляли первые успехи нового поколения демократических и революционных писателей, главным образом прозаиков. Для многих из них страницы «Просвещения» открывали путь в литературу. При всем несовершенстве публикаций молодых, еще неизвестных писателей они дают возможность увидеть, как формировалось новое — пролетарское — направление литературы, отражающее процессы революционных изменений в русской жизни, оптимистическое мироощущение самых передовых слоев народа.

Уже в начальный период развития пролетарской литературы отчетливо прослеживается стремление Горького приобщить молодых литераторов к величайшим ценностям литературы, прежде всего — русской. Не узко цеховая, а широкая ориентация в овладении наследием — таков завет Горького в создании нового искусства в те далекие годы первого десятилетия XX в. Еще предстояли трудные поиски и ошибки. Но именно такой подход был плодотворен. Спустя десятилетие его необходимость подчеркнет И. Вольнов в письме И. Касаткину 22 октября 1923 г.: «Организации кружка крестьянских писателей мало сочувствую, но от участия не отказываюсь. Не сочувствую, т(ак) к(ак) не понимаю, как можно быть крестьянским, пролетарским, дворянским, поповским писателем, — можно быть только русским писателем, но и это недостаточно (так иной раз кажется), — надо быть даже не русским, шведским, английским, царевкокшайским писателем, а просто писателем. Из этого заключайте, что мне до смерти хочется быть мировой известностью. Я знаю, что этого не будет, не жалею об этом, но мысли, которыми я делюсь с Вами, мною долго продумывались»¹³⁹.

В этой мечте И. Вольнова можно и нужно видеть также результат наставничества Горького.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. И. Ленин. Т. 48. С. 168.

² Общие сведения о журн. «Просвещение» и «Мысль» см. в прим. к Полн. собр. соч. В. И. Ленина (т. 48, с. 355—356, 370). См. также в кн.: Большеви́стская периодическая печать: Библиографический указатель. М., 1964; Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях. М., 1981. С. 366, 368.

³ Об этом В. И. Ленин писал в брошюре «Аноним из „Vorwärts'a“ и положение дел в РСДРП» — т. 21. С. 212—213.

⁴ См. об этом: *Савельев М. А.* Марксистский журнал «Просвещение» // Пролетарская революция. 1923. № 2(14).

⁵ *В. И. Ленин*. Т. 48. С. 155.

⁶ Александр Антонович Трояновский (1882—1955) — член РСДРП с 1904 г. Партийную работу вел в Петербурге, Киеве. Подвергался репрессиям царского правительства. В 1910 г. эмигрировал, жил в Швейцарии, Париже, Вене. Был членом делегации ЦК РСДРП на Базельском конгрессе (1912), участвовал в Краковском и Поронинском совещаниях ЦК РСДРП с партийными работниками. Участвовал в организации журн. «Просвещение» и других марксистских изданий, выступал в них и как публицист. См. его статьи в «Просвещении»: «Рост вооружений» (1913, № 6); «О Балканской войне» (1913, № 7—8), «Законопроект о печати» (1913, № 11) и др. В 1917 г. вернулся в Россию. В 1917—1921 гг. был меньшевиком. Вновь принят в РКП(б) в 1923 г. Находился на ответственной партийной и государственной работе. См. о нем: *В. И. Ленин*. Т. 48. С. 520.

⁷ О том, что с Горьким велись переговоры об участии в журнале и ранее, см. в наст. томе сообщения Л. С. Пустильник.

⁸ Впервые напечатано частично в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 34. Датируется по сопоставлению фактов.

⁹ Речь идет об очерке «Вездесущее».

¹⁰ В ближайших номерах журнала появились стихи Л. Старка «Старик» (№ 2), «К весне» (№ 3), «На улице» (№ 4).

¹¹ В № 3 журнала напечатано его стихотворение «Утро».

¹² В № 3 журнала напечатан его рассказ «Музыкант Кандырин».

¹³ Николай Федорович Олигер (1882—1919) — писатель. Его произведения в «Просвещении» не появились.

¹⁴ *В. И. Ленин*. Т. 48. С. 161.

¹⁵ Максимилиан Александрович Савельев (Ветров) (1884—1939) — член большевистской партии с 1903 г. Партийную работу вел в Нижнем Новгороде, Туле, Петербурге и других городах. Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1911—1913 гг. являлся редактором журн. «Просвещение» и одновременно с 1912 г. — членом редакций «Правды», а с 1913 г. — представителем ЦК РСДРП в издательстве «Прибой». Неоднократно арестовывался. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. заведовал редакцией ЦО партии «Рабочий путь», а затем «Правды». После Октябрьской социалистической революции — на ответственной партийной и советской работе. Подробные биографические данные см. в кн.: Герои Октября. Л., 1967. Т. 2. С. 335; Воспитанники Московского университета — соратники В. И. Ленина. М., 1973. С. 156—162; *Соловов А., Черненко Е.* Испытанный ленинец: К 100-летию со дня рождения М. А. Савельева // Правда. 1984. № 50. 19 февр. С. 6.

¹⁶ Пролетарская революция. 1923. № 2(14). С. 369.

¹⁷ *В. И. Ленин*. Т. 48. С. 180.

¹⁸ *Арх. Г. Т. XIV*. С. 363.

¹⁹ Общественно-политическая и литературная газета, орган волжских служащих и судовых рабочих. Выходила в Н.-Новгороде с апреля 1906 по 1916 г. два раза в неделю с воскресным приложением. Газета демократического направления, остро ставила вопросы положения рабочего класса. В «Судоходце», кроме «Путины» (последнее название — «На барках»), напечатаны также рассказы Касаткина: «Мужик» (1907), «Нянька» (1908), «Унжаки» (1908), «Осенняя хмури» и «Дуныша» (1910), «Дело праздничное», «Крещенский торг», «Семья» (1911) и т. д. См. об этом в кн.: *Касаткин И.* Перед рассветом: Избранные рассказы. М., 1977.

²⁰ Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от 3 февраля 1932 г. (Новый мир. 1937. № 6. С. 20).

²¹ В XXVII сб. «Знания» появился рассказ Касаткина «В уезде», в XXIX — «Веселый батя», в XXX — «С докукой», в XXXVII — «Село Миккульское».

²² Переписка Горького с Касаткиным насчитывает более 100 писем. Публиковались в разное время. 11 п. Горького с примечаниями адресата появились в 1937 г. (Новый мир. № 6. С. 14—21). Другая часть п. Горького опубликована в журн. «Октябрь» (1956, № 6). Описание сохранившегося архива Касаткина, находящегося в разных государственных хранилищах — АГ, ЦГАЛИ, содержится в ст. М. А. Макиной «Из истории писательских взаимоотношений 1920—1930-х годов: (По архивным материалам И. М. Касаткина)» (Русская литература. 1979. № 4. С. 138—145). Отрывки из ряда п. Горького Касаткину и Касаткина Горькому 1908—1910 и 1912 гг. см.: *Зайцева Г. С. М. Горький и «крестьянские писатели» начала XX века.* Горький, 1985. С. 69, 72, 74—75, 77, 79.

²³ В автобиографии, написанной в 1923 г. (самой полной из его автобиографий), Касаткин отмечал, что в 1916 г. по инициативе Е. П. Пешковой он поехал на «западный фронт» собирать детский отряд по подбору беженских детей-сирот. С этими детьми я там провозился вплоть до лета 1918 года... См. в кн.: *Клейнборг Л. М.* Очерки народной литературы (1870—1923). Л., 1924. С. 144.

При участии Касаткина было организовано 18 приютов и 43 столовых. Эту работу он вел и после Октябрьской революции. См. об этом в ст. В. Харчева

«Жизнь, жизнь, люблю тебя!» (К 90-летию со дня рождения Ивана Касаткина) (Волга. 1970. № 10. С. 150).

²⁴ Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от июня 1912 г. (Новый мир. 1937. № 6. С. 15, а также: Горький М. Письма о литературе. М., 1957. С. 226—227) и времени закрытия легальной большевистской газ. «Поволжская быль» — 28 июня 1912 г. (упоминается в письме без названия как еще выходящая, см. об этом далее в прим. к данному письму).

²⁵ Александр Николаевич Лаптев (1890—1942) как начинающий писатель обращался к Горькому. См. о нем: ХХІХ, 223—224; ЛЖТ. Вып. 2. С. 250, 287 и др.

²⁶ В 1912 г. в дни Ленских событий Касаткин был арестован в Н.-Новгороде и выслан в Кстово. См. прим. Касаткина в журн. «Новый мир» (1937, № 6).

²⁷ Застойность провинциально-буржуазной жизни вызывала особенно острое неприятие у Касаткина в момент начала — со времени ленских событий — нового подъема революционного движения. Консерватизм мещанской среды в российской провинции, равнодушие в этой среде к политике обсуждались тогда в печати. Напр., в статье «Старое и новое. (Из заметок газетного читателя)», появившейся в «Звезде», В. И. Ленин отмечал: «Даже газете „Речь“ приходится констатировать<...> „большую общественную приниженность“. А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде: „оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать словом и делом. Но отошел — и опять затянуло все по-старому“» (В. И. Ленин. Т. 20. С. 378). Продолжая, В. И. Ленин заключал: «Теперь об „обществе“ вообще говорить нельзя. В старой России обнаружили различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века» (Там же. С. 379).

О «большой общественной приниженности» российской провинции Горький писал не однажды, видя в ней характерное для определенной эпохи. Не случайно это впоследствии нашло отражение и на страницах «Жизни Клима Самгина». Вот, например, отрывок из четвертой части романа, так по существу близкий к тем впечатлениям, которыми с писателем делился Касаткин: «Клим Иванович часто выезжал в Новгород, Псков, Вологду. Провинция оставалась такой же, какой он наблюдал ее раньше: такие же осматрительно либеральные адвокаты, такие же скучные клиенты <...> скучные, серые обыватели, в плену мелочей жизни <...>

Если исключить деревянный скрип и стук газеток „Союза русского народа“, не заметно было, чтоб провинция, пережив события 905—7 годов, в чем-то изменилась, хотя, пожалуй, можно было отметить, что у людей еще более окрепло сознание их права обильно и разнообразно кушать» (24, 300).

²⁸ Цитата из «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина. См. во второй главе размышления о судьбе А. С. Грибоедова: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и любопытны...»

²⁹ Подготовка к выборам в IV Государственную думу была в это время одним из главных вопросов политической борьбы. В статье «Политические партии в России», опубликованной в начале мая 1912 г. в «Невской звезде», В. И. Ленин писал: «Выборы в Государственную думу заставляют все партии усиливать свою агитацию, собирать свои силы для проведения наибольшего числа депутатов „своей“ партии.

При этом и у нас, как и во всех других странах, разворачивается самая бесцеремонная предвыборная реклама» (В. И. Ленин. Т. 21. С. 275).

См. также ленинскую ст. «Выборы недалеко — все за работу!» об агитации большевиков в широкой народной среде, напечатанную в «Правде» (1912, № 53, 30 июня/13 июля). См. также: Коммунист. 1984. № 6. Апр. С. 3—4.

³⁰ Ускоренный рост капитала в России в эпоху после революции 1905 г., его социально-политическая организация — создание своей прессы, «представительных» учреждений, обществ — характерные явления этого времени. Они освещались в печати. В частности, многие отклики вызвала книга Гушкы «Представительные организации торгово-промышленного капитала» (СПб., 1912), где излагались результаты анкеты Промышленно-экономического отдела Имп. русского технического общества об «общественных организациях торгово-промышленного класса в России». Журн. «Просвещение» печатал в № 5—7 за апрель—июнь 1912 г. по этому поводу ст. В. И. Ленина «Анкета об организациях крупного капитала» (В. И. Ленин. Т. 21. С. 288—305).

³¹ Неточная цитата из романа М. И. Глинки на слова стихотворения Е. А. Баратынского «Разуверение»: «Разочарованному чужды Все обольщенья прежних дней!».

³² В годы реакции легальная рабочая печать была, по словам В. И. Ленина, почти вся задушена. Борьбу за ее возрождение большевики вели постоянно. Рабочие органы возникали на местах, но чаще всего тут же закрывались властями. В 1910 г. большевикам удалось организовать нелегальную «Рабочую газету» (издавалась в Париже). С мая 1910 г. в Москве налаживается полулегальная большевистская газ. «Наш путь», вскоре закрытая. С декабря 1910 г. в Петербурге начинает

выходить «Звезда», с апреля 1912 г. — «Правда». Большевистские газеты появляются в разных городах. В числе рабочих газет, выходящих в 10-х годах, — «Уральский рабочий», «Невская правда», «Волна», «Бакинский рабочий», «Тифлисский пролетарий».

³³ Легальная большевистская газ. «Позолжская быль» выходила с 12 апреля 1912 г. Касаткин являлся одним из ее организаторов и членом редакции. В № 1 под псевдонимом «Кологривский» он напечатал стихотворение «Старые башни», а в № 7 «Горная речка» (под псевдонимом «Лесовик»). Газета выходила еженедельно, на № 7—28 июня — была закрыта. Целью газеты было освещение текущей жизни России и Запада с рабочей точки зрения. Газета рассказывала о новом революционном подъеме, резко критиковала политику буржуазных партий (кадетов, октябристов).

³⁴ Произведения Лондона широко печатались в 1910-е годы в России. В ряде издательств выходят собрания его сочинений, в Петербурге в издательстве «Прометей» — с предисловием Л. Андреева. Статьи о Лондоне появляются в разных газетах и журналах: так, в «Современном мире» (1912, № 4) с большой статьей о нем под названием «Томление духа и утверждение жизни» выступает В. Кранихфельд. Помещающий обширный обзор литературы о Лондоне, озаглавленный «Певец подлинной жизни», журн. «Бюллетени литературы и жизни», указывая на множество отзывов, приводил отрывки статьи-предисловия Л. Андреева, в частности то место, где писатель называл его «американским Горьким» (1912, № 2 (сент.), раздел: Отзывы о книгах — с. 36).

³⁵ В № 2 «Нового журнала для всех» за 1912 г. был напечатан рассказ Касаткина «На барках».

³⁶ Программа журнала, как неоднократно объявлялось в нем, заключалась в том, чтобы дать широким кругам читателей за доступную цену произведения лучших литературных и научных сил: «Художественность, серьезность содержания и популярность изложения (...) — такова задача журнала» — так формулировались его принципы. В позиции журнала определенно сказывались настроения все усиливавшегося в это время общественного подъема. Однако журнал привлекал писателей разной общественной и эстетической ориентации. В первых номерах за 1912 г. сообщалось, что в нем примут участие Л. Андреев, Арцыбашев, Айзмэн, Ауслендер, Бунин, Блок, Брюсов, Вересаев, Горький, Муйжель, Олигер, Сергеев-Ценский, Чулков, Чириков и др. Об участии Горького сообщалось в первых двух номерах журнала, в последующем номере его в перечислении сотрудников уже нет. На протяжении года журнал не раз поднимал вопрос об общественной ответственности литературы, участвовал в обсуждении вопросов пролетарской литературы (см. ст. Ф. Калинин «Тип рабочего в литературе» — 1912, № 10, отклик на нее — ст. П. Юшкевича «Пролетариат и художественная литература» — 1912, № 12). Переориентации журнала в сторону, о которой говорит предположительно Касаткин, не произошло. На протяжении года в журнале появилось только одно стихотворение Ф. Сологуба «Уличная картинка» (№ 8).

³⁷ То мистическая фантастика, часто примитивно-темная, то интригующая эротика, выраженная полунамеками, — эти, столь характерные для художественного мира Сологуба особенности вызвали резко отрицательное отношение не только у Касаткина. По-своему изощренная мифология «старикашки Тетерникова» именно за связь ее с идейными основами его творчества не принималась Горьким (см., напр., п. к С. Я. Елпатьевскому от августа 1909 г. // Горький М. Письма о литературе. М., 1957. С. 173). В «демонах» Сологуба, «творимых легендах» передовая критика того времени видела воплощение декадентского скепсиса, пессимизма, иррационализма, глубоко чуждых прогрессивным идеалам современности. Не случайно В. Воровский оценивал «Навыи чары» как пример «идейного мародерства» в обстановке поражения первой русской революции (см. его ст. «В ночь после битвы»).

³⁸ Из Кстова Касаткин перебрался, как он вспоминал в автобиографии (см. прим. 23), в Семеновский уезд Нижегородской губернии, на реку Керженец, где работал в Лыковском лесничестве до июня 1914 г., откуда выехал в Петербург.

³⁹ Новый мир. 1937. № 6. С. 14.

⁴⁰ Датируется по сопоставлению с другими письмами и упоминанию рассказов, появившихся в майском номере «Просвещения» за 1913 г.

⁴¹ Просвещение. 1913. № 5. С. 12.

⁴² Просвещение. 1914. № 3.

⁴³ В. И. Ленин. Т. 30. С. 313.

⁴⁴ Орловский П. Литературные наброски // Мысль. 1911. № 4 (март).

⁴⁵ В. И. Ленин. Т. 22. С. 368.

⁴⁶ Там же. С. 367.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 14.

Датируется по упоминанию юбилея Бунина, который отмечался 27 октября 1912 г. Русские газеты писали о юбилее в следующие дни, о чем и говорится в п. Касаткина. Отрывок из письма «В наше время на ниве родной литературы» и силою велика, и духом светла» печатался в ст. Л. Афонина «Бунин — наставник молодых писателей» (Орловский комсомолец. 1972. № 208. 21 окт.).

⁴⁸ Персонаж одноименного рассказа Бунина «Захар Воробьев».

⁴⁹ Книга появилась в октябре 1912 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве»: «Суходол. Повести и рассказы. 1911—1912 гг.»

⁵⁰ См. об этом: Новый мир. 1937. № 6. С. 17 (в комментариях Касаткина к п. Горького).

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1.

Датируется по почт. шт.

⁵² Е. П. Пешкова вела издательские дела Горького в «Книгоизд-ве писателей в Москве».

⁵³ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2.

Датируется по сопоставлению с предшествующим письмом.

⁵⁴ Видимо, вспоминается первая встреча.

⁵⁵ Рассказ «Лоси» вошел в сб. Касаткина «Лесная быль» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916).

⁵⁶ См. очерк Горького «Иван Вольнов».

⁵⁷ Дневниковые записи Н. А. Пушешникова хранятся в Орловском гос. музее И. С. Тургенева (ф. 14, № 7456, 9078, 9076). См.: Описание материалов Государственного музея И. С. Тургенева. II. И. А. Бунин. Орел, 1979. С. 151. В небольших выдержках они публиковались в ст. А. Бабореко «Бунин на Капри» (В большой семье. <Смоленск>: Смоленское книгоизд-во, 1960), а также в его кн.: Бунин И. А. Материалы для биографии. М., 1967. Приводимые записи не печатались. См. указ. фонд, № 7456/1, л. 95.

⁵⁸ Известны и отрицательные оценки Горьким Сивачева. См. в п. П. В. Мурашеву от конца октября ст. ст. 1911 г. (XXIX, 202); упоминание в ст. «О писателях-самоучках» (XXIV, 134). См. также: Г—А, 24 января 1911 г., прим. 1.

⁵⁹ Орловский гос. музей И. С. Тургенева, ф. 14, № 7456/2, л. 78—79.

⁶⁰ Датируется по упоминанию в письме о подготовке № 9 журнала, а также времени закрытия московской рабочей газеты «Наш путь» — 12 сентября 1913 г. (о ней говорится в данном п. как еще выходящей). Письмо в кратком изложении см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 378.

⁶¹ За подписью А. Алексеева журнал поместил обзоры рабочего движения в № 6 — о стачечном движении в июне текущего 1913 г., а также в № 7—8 — сравнительный разбор стачечного движения в июне и июле.

⁶² Имеется в виду А. Н. Тихонов.

⁶³ Издание приложений не состоялось.

Публикации «Из переписки Карла Маркса и Фридриха Энгельса» появились в № 11 и 12 «Просвещения» за 1913 г. и затем № 1 и 4 за 1914 г. Планы редакций об издании избранной переписки основоположников научного социализма связаны с выходом в это время — в сентябре 1913 г. — на немецком языке в Штутгарте «Переписки Фридриха Энгельса и Карла Маркса с 1844 по 1883 г.» в 4-х томах (издана А. Бебелем и Эд. Бернштейном). Не случайно упоминает Савельев о возможном сотрудничестве по этому поводу с Д. Б. Рязановым (Давид Борисович Гольдендах, 1870—1938. См. о нем: В. И. Ленин. Т. 25 и др.). По поручению социал-демократической партии Германии Рязанов в течение ряда лет готовил издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1908 г. он, изучая немецкую демократическую и рабочую прессу, обнаружил более 250 неизвестных статей Маркса и Энгельса. Рязанов, по рекомендации А. Бебеля, работал в архивах германской социал-демократической партии, при его же содействии получил на время от Бернштейна оригиналы писем Маркса и Энгельса за период I Интернационала. Выявленные Рязановым работы Маркса и Энгельса печатались в изданиях германской и австрийской социал-демократической прессы, а также в России. Так, в «Современном мире» появляются его ст. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» (1912, № 8—12), публикации «„Исповедь“ Карла Маркса» (1913, № 3), «Карл Маркс и Фридрих Энгельс в их переписке до революции 1848 г.» (1914, № 5, 10, 11). «Просвещение» печатает с предисловием Рязанова ст. К. Маркса «Политический индифферентизм» (1913, № 10), ст. Рязанова «Энгельс о Бебеле и Марксе» (1913, № 7—8).

С сентября 1913 г. изучает и конспектирует переписку основоположников научного социализма В. И. Ленин. В письме от 12 или 13 ноября 1913 г. к М. И. Ульяновой он сообщал: «Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в „Просвещении“. Много интересного» (В. И. Ленин. Т. 55. С. 345). 14 декабря 1913 г. большевистская газета «Пролетарская правда» (№ 7), объявляя о подписке на журнал «Просвещение» на следующий год, сообщала, что в журнале будет напечатана в числе других статья В. Ильина о переписке Маркса с Энгельсом. Статья писалась в то время В. И. Лениным, однако осталась незаконченной. Начало ее под названием «Энгельс как один из основателей коммунизма» появилось лишь 28 ноября 1920 г. в «Правде» в день столетия со дня рождения Ф. Энгельса.

См. также: Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» М., 1959.

⁶⁴ Русское богатство. 1913. № 7.

⁶⁵ В июльском номере «Русского богатства» за 1913 г. появился очерк В. С. Войтинского о революционной ссылке — «Призраки». Он вызвал полемику. «Новое время» напечатало 13/26 августа ст. В. Розанова «Литературные олеографии» (№ 13441), где делалась попытка опровергнуть высокую оценку Войтинским сосланных и приговоренных к смерти революционеров. Розанову возражал в «Речи» (15/28 авг., № 221) Д. Левин. Он рассматривал «Призраки» как мемуары, где нет выдумки, но изображаемое согрето лирическим чувством: это и делает их «песнопением». «Новое время» ответило на статью «Речи» заметкой в рубрике «Среди газет и журналов» (16/29 авг., № 13444), защищая Розанова от «радикальных „гусей“». За этим последовала полемическая заметка Д. Левина «Набросок» (Речь. 24 авг./6 сент. № 230). Позицию Войтинского критик подкреплял «очной ставкой», как он писал, с книгой генерала А. В. Жиркевича «Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства».

⁶⁶ Характер отклика Горького не установлен.

⁶⁷ Переписку Горького с Н. А. Чердынцевым (Топазовым) за 1910—1913 гг. см. в АГ. Его очерк «Портные» напечатан в «Сборнике пролетарских писателей» (СПб.: Прибой, 1914). См. также: Горьк. чт. 1959. С. 46.

⁶⁸ Упоминанная ст. И. И. Скворцова-Степанова печаталась в № 9 и 10.

⁶⁹ Имеется в виду «Прощальное письмо читателям газеты „Sozialdemokrat“» Ф. Энгельса, напечатанное в газ. «Der Sozialdemokrat» (1890, № 39, 27 сент.) в связи с прекращением выхода газеты (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 81—84). Под заглавием «Прощание с любимой газетой» было напечатано в № 9 журн. «Просвещение» за 1913 г.

⁷⁰ Такие статьи в № 9 не печатались.

⁷¹ На указанную тему в № 9 напечатана ст. Н. Скрышника «Теория и практика руководителей московского Союза потребительских обществ».

⁷² В № 9 напечатана ст. «О германском ревизионизме. (По поводу Иенского конгресса германских социал-демократов)».

⁷³ Речь идет о конфискации и цензурных преследованиях газеты «Правда».

⁷⁴ Имеется в виду организация легального большевистского журн. «Вопросы страхования». Начал выходить в Петербурге с 26 октября/8 ноября 1913 г. еженедельно по 12/25 июля 1914 г., а потом с 20 февраля/5 марта 1915 г. по март 1918 г. В годы войны — единственный легальный большевистский журнал. В нем принимали участие Ленин, Куйбышев, Сталин, большевистские депутаты IV Государственной думы, рядовые рабочие. В № 10 «Просвещения» сообщалось о подписке на «Вопросы страхования», его задачах, выходе № 1 и 2.

⁷⁵ Роман Вацлавович Малиновский (1876—1918). В 1912—1914 гг. — член ЦК РСДРП, депутат IV Государственной думы социал-демократической фракции. В 1917 г. разоблачен как провокатор. Уже в 1907 г. он добровольно давал сведения полиции, а в 1910 г. был зачислен секретным агентом царской охранки.

⁷⁶ Имеется в виду московская рабочая газ. «Наш путь», выходившая с 25 августа/7 сентября 1913 г. В сборе средств на нее принимал участие Горький. Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих. 395 рабочих групп поддерживали ее своими денежными средствами. Газета подвергалась непрерывным преследованиям со стороны полиции и 12/25 сентября была закрыта. Московские рабочие ответили на это забастовкой, но возобновить газету не удалось.

⁷⁷ Т. е. цензура.

⁷⁸ Датируется по сопоставлению с п. В. И. Ленина Горькому от начала ноября н. с. 1913 г., в котором говорится о пересылке ему рукописи Войтинского (В. И. Ленин. Т. 48. С. 224), а также по упоминанию откликов на статью писателя об инсценировке «Бесов» Достоевского. Письмо в кратком изложении см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 383.

⁷⁹ Речь идет о рукописи В. С. Войтинского. См. в предыдущем п. Савельева, а также дальше в сообщении. См. также: Г—Войт (предисловие).

⁸⁰ Речь идет о членах заграничной редакции «Просвещения».

⁸¹ Литературный кружок при народном доме Паниной. См. о нем: Брейбург С. М. Горький — редактор сборника пролетарских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. Х. М., 1965. В 1913 — начале 1914 г. кружок издал две небольшие книжки стихов «Наши песни» (вторая была конфискована). Члены кружка стали участниками и первого «Сборника пролетарских писателей», организаторами и редакторами которого были Горький и А. Н. Тихонов.

⁸² Имеются в виду отклики на статьи Горького о постановке «Бесов» в Художественном театре. В газ. «За правду» по этому поводу появилась ст. А. Витимского (М. С. Ольминского) «Поход против Горького» (1913, 4 окт.).

⁸³ Такой статьи в «Просвещении» не появилось.

⁸⁴ См. отзывы рабочих в ст. «Наша анкета» (Просвещение. 1914. № 3. С. 108).

⁸⁵ О месте творчества Д. Бедного в становлении пролетарского искусства подробно говорится во многих исследованиях. Среди них: Келдыш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы: Горький и русская революционная поэзия. М., 1964.

⁸⁶ ЦГАЛИ, ф. 1374, оп. 2, ед. хр. 1.

⁸⁷ Датируется по сопоставлению с ответным п. Горького от начала 1914 г. Отрывок из письма напечатан в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 40.

⁸⁸ Горьк. чт. 1959. С. 47.

⁸⁹ Датируется по сопоставлению фактов. В краткой аннотации см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 433—434.

⁹⁰ Появился в № 6 за 1914 г.

⁹¹ В первом «Сборнике пролетарских писателей» напечатаны стихотворения Герасимова: «Весеннее», «Осень», «В городе», «Заводской гудок», «Зимний вечер».

⁹² Речь идет о редакции «Сборника пролетарских писателей».

⁹³ Легальное большевистское издательство, созданное в Петербурге в начале 1913 г. Информацию о нем «Просвещение» поместило в № 4 за 1913 г. Выпускало литературу по социально-политическим вопросам, уделяя большое внимание изданию популярных брошюр агитационно-пропагандистского характера.

Горький, вернувшись в Россию, задумал выпуск в «Прибое» сборников пролетарских писателей. Первый такой сборник вышел в начале июня 1914 г. Однако планы расширения литературной части «Прибоя» в то время осуществить не удалось: в связи с усилением гонений царского правительства на рабочую печать издательство вынуждено было прекратить свою деятельность (она возобновилась в марте 1917 г.).

⁹⁴ Датируется предположительно, по сопоставлению с предшествующим письмом. Отрывок из письма напечатан в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 40.

⁹⁵ См. об этом сведения в п. Горького П. Н. Герасимову, июль, до 22, 1915 г., и ответном письме его от 23 июля 1915 г. (АГ). Три письма Герасимова к Горькому, а также письмо отца Герасимова Горькому опубликованы: МИ. Т. 1. С. 391—393.

⁹⁶ См. об этом: Арх. Г. Т. XIV. С. 352.

⁹⁷ Вышли в 1938 г. в Москве; потом несколько раз переиздавались.

⁹⁸ Письма Горького Д. Н. Семеновскому впервые опубликованы в указанных воспоминаниях. Ответные письма Семеновского за 1913—1917 гг. опубликованы в журн. «Волга» (1968, № 3, с. 41—55) при участии вдовы поэта В. В. Семеновской с прим. П. В. Куприяновского. Далее цитируются неопубликованные письма.

⁹⁹ См. указанную публикацию.

¹⁰⁰ Датируется по сопоставлению фактов.

¹⁰¹ Стихотворения Астрова «Цветы над могилой», «Пред зарей», «По заре», «К рассвету» появились в XI сб. «Знания».

¹⁰² См., напр., стихи, озаглавленные «Вечерние огни» (небольшой цикл), в изд.: Маленький альманах: Листопад. Одесса, 1908. Во время пребывания на Капри в начале 1913 г. Астров записал в Альбом А. А. Золотарева стихи разных лет, в том числе стихотворения «Я только поэт, и иным никогда я не буду...» и «Я сам не живу, но другим я о жизни пою...» под общим заголовком «Из стихов 1906 г.». См.: ЦГАЛИ, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 96, л. 10.

Позднее стихи Астрова появлялись в журн. «Вестник Европы», (1913, № 2), «Русское богатство» (1913, № 7), «Современник» (1913, № 1, 2, 8 (из цикла «Капри»), 12), в сб. «Молодой журнал» (1913, № 1), «Энергия» (2. СПб., 1914: «Тишь», «У окна», «Скрипка», «Этой ночью», «Из Каприйского альбома. Е. В. Любарской») и т. д.

¹⁰³ Произведения Горького печатались в изд-ве «Знание», и в составе собрания его сочинений, и отдельно. В серии «Дешевая библиотека» было издано 36 произведений писателя (в 34 брошюрах, по очень дешевой цене); отдельными книгами вышли пьесы «Мещане», «На дне». «Знание» выпустило 9 томов Сочинений Горького: СПб. Т. I—IV, 1900; Т. V, 1901; Т. VI, 1903; Т. VII, 1906; Т. VIII, 1908; Т. IX, 1910. Каждый из томов выдержал по несколько переизданий; напр. 1 в 1908 г. вышел 10-м тиражом. См. об этом в кн.: Балухатый С. Литературная работа М. Горького. М.; Л., 1936. С. XXIII.

«Знание» издавало произведения русских и зарубежных классиков, среди них — и Шелли. Отдельными книжками вышли трагедия «Ченчи» и лирическая драма «Освобожденный Прометей».

Книга Р. Мутера «История живописи в XIX в.» выпускалась в «Знании» несколькими тиражами в малом и большом изданиях.

¹⁰⁴ Датируется по сопоставлению с другими письмами. Небольшой отрывок из этого письма напечатан в кн.: Келдыш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы: Горький и русская революционная поэзия. М., 1964. С. 49.

¹⁰⁵ Датируется по почт. шт.

¹⁰⁶ ЦГАЛИ, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 141.

Датируется по упоминанию № 9 «Современника» за 1913 г.

¹⁰⁷ Брат А. А. Золотарева.

¹⁰⁸ Место издания не установлено.

¹⁰⁹ Не разыскано.

¹¹⁰ Перевод А. А. Золотаревым с итальянского сочинения Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя» (СПб.: Огни. 1913).

¹¹¹ Сведения о нем не разысканы.

¹¹² См.: А—Г, п. от 6 августа 1911 г., прим. 7.

¹¹³ Пляж и место прогулок на о. Капри. Недалеко от виллы, снимавшейся Горьким.

¹¹⁴ А. С. Новиков-Прибой.

¹¹⁵ Б. А. Тимофеев; о чем идет речь — не установлено.

¹¹⁶ Знакомый по Капри, художник.

¹¹⁷ А. А. Золотарев писал в это время цикл новелл, получивших в рукописи название «Путь любви, Каприйские новеллы». Хранятся в Ярославском музее. См. об этом в кн.: Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974. С. 214.

¹¹⁸ О биографии Л. Н. Старка см.: В. И. Ленин. Т. 48. С. 516—517 (указатель имен); Герои Октября. Л., 1967. Т. 2. С. 434; Бережной А. Ф., Смирнов С. В. Бойцы революции. Л., 1969. С. 224—225.

¹¹⁹ Письмо Горького Н. В. Канделаки от 12/25 февраля 1913 г. (АГ, ЛЖТ. Вып. 2. С. 339).

¹²⁰ В это время Л. Н. Старк находился на дипломатической службе.

¹²¹ О ком идет речь — не установлено.

¹²² Письмо Горького не найдено. Данное письмо Савельева печаталось в кратком изложении в ЛЖТ (вып. 2, с. 390).

¹²³ В № 11 «Просвещения» за 1913 г. появились следующие произведения: М. Горький «По душе»; Л. Старк «Радость», «Предчувствие»; Ив. Вольнов «После сменя»; Дм. Семеновский «Безумцы»; Д. Бедный «Друзьям», «Казенный заказ»; Кир. Волгин «Проститутка».

¹²⁴ В декабрьском № журнала произведения Горького не появились.

¹²⁵ Имеются в виду бланки переводов денег на подписку.

¹²⁶ Имеются в виду ст. Горького: «О „карамазовщине“». Письмо в редакцию» (Русское слово. 1913. № 219. 22 сент.) и «Еще о „карамазовщине“». Открытое письмо» (Русское слово. 1913. № 248. 27 окт.). Статья, о которой пишет Савельев, в журнале не появилась.

¹²⁷ А. Н. Тихонов.

¹²⁸ См. выше п. М. А. Савельева от середины октября 1913 г.

¹²⁹ В номере был напечатан рассказ М. Рослякова «Старики» и ряд стихотворных произведений: Д. Бедный «Клад», «Волк-правитель»; М. Герасимов «Рабочему», «Заводской гудок»; Кир. Волгин «Утро в горах».

¹³⁰ Печатались в № 11 и 12 за 1913 г.

¹³¹ Ст. Ю. М. Стеклова «Французские черносотенцы и рабочий класс» печатались в № 11 и 12; речь идет также о ст. Г. Чудновского «Две теории кризисов»; печаталась в № 11 «Просвещения» за 1913 г.

¹³² Имеется в виду ст. В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу», печаталась за подписью «В. Ильин» (№ 10, 11, 12).

¹³³ Подпись-инициал неразборчиво.

¹³⁴ Подробные сведения о биографии и деятельности — в сб., посвященном памяти революционера: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916): Сб. статей. М., 1922.

¹³⁵ См. об этом выше в п. Савельева Горькому.

¹³⁶ Выступление было направлено, в частности, против статьи А. Н. Потресова «О литературе без жизни и о жизни без литературы», появившейся в «Нашей заре» (1913, № 4, 5, 6).

¹³⁷ См.: Никитин Л. Большевицкий журнал «Просвещение». М., 1955. С. 16.

¹³⁸ Сведения о раннем п. Горького Гумилевскому не разысканы. Два письма Горького к Гумилевскому 1920-х годов опубликованы в ЛН (т. 70, с. 147—148).

¹³⁹ ЦГАЛИ, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 25.